

The background of the cover is a composite image. The top half features a close-up of an elephant's head, showing its wrinkled skin and eyes. The bottom half shows a night-time aerial view of a city, likely St. Petersburg, with illuminated buildings and a river. A large, detailed image of a combination padlock is overlaid on the bottom right corner, partially obscuring the city view.

Сергей Качуренко

ДЕВЯТОЕ ЗВЕНО

Сергей Качуренко

Девятое звено

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Качуренко С.

Девятое звено / С. Качуренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Мистико-приключенческий детектив «Девятое звено» - книга, завершающая дебютную трилогию автора «Выбор». Как и в предыдущих двух книгах («Седьмой флот» и «Восьмая поправка») речь пойдет о захватывающих, опасных и немного авантюрных приключениях, выпавших на долю Сергея Ивановича Кучера по прозвищу Слон. На сей раз расследование ряда таинственных происшествий в украинской столице, итогом которых стала загадочная смерть старинного друга, приведет отставного полковника милиции в далекую, израненную войной Абхазию. Ему предстоит в кратчайшие сроки разыскать людей, которым угрожает смертельная опасность, и тайник с важными документами. А их содержание поможет предотвратить серию масштабных терактов, задуманных главарями неизвестного преступного синдиката сразу в нескольких регионах России и Украины. Роман убеждает, что, взявшись за правое дело с чистой совестью, человек не останется одиноким воином на поле брани, и такое понятие, как национальная принадлежность, не играет никакой роли для единения близких по духу людей. Несмотря на то, что жанр детектива принято считать развлекательным, произведение вряд ли покажется праздным чтивом. Хотя в нем и выдержан непринужденный ироничный стиль, а в сюжетную линию вплетено немало юмористических эпизодов. В доступной и понятной форме автор затрагивает глобальную тему извечного противостояния сил добра и зла.

© Качуренко С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

К читателям	6
Пролог	10
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Качуренко

ДЕВЯТОЕ ЗВЕНО

Мистико-приключенческий детектив

К читателям

Должен признаться, что написание целой трилогии никак не входило в мои текущие планы. Но подсказки друзей тому поспособствовали, и в результате получилось то, что получилось. А героями всех трех романов стали обычные люди со своими радостями и горестями, несхожими, порой противоречивыми взглядами и мыслями, неординарными решениями и нестандартными поступками.

Я старался осветить не только хронологию событий и заинтриговать читателя ходом расследования таинственных происшествий, но и провести посильное исследование причин, определяющих в дальнейшем человеческие поступки. А для придания сюжету остроты и динамики наполнил повседневную жизнь героев чередой экстремальных ситуаций, в которых, как правило, и проявляется скрытый волевой потенциал.

В ходе любого конфликта трудно удержать елейную маску на гневном лице, а в нынешних условиях ужесточения противостояния между силами добра и зла – практически невозможно. Равно как и оставаться безучастным, пытаясь тихонько отсидеться в своем иллюзорном мире.

Рано или поздно человек оказывается перед выбором: в качестве кого он войдет в зону конфликта – гневным агрессором или миротворцем. Отсюда и название мистико-приключенческой детективной трилогии – «Выбор».

«Седьмой флот»

(2010 год)

Сюжет первого романа вобрал в себя исследование возможных последствий зародившегося когда-то и не разрешенного вовремя конфликта. Я постарался осветить процесс накопления внутреннего негатива в неокрепших людских душах, который порой напоминает тлеющие угли, медленно и уверенно разгорающиеся на ветру. А порой – всходы засеянных некогда семян злобы и непροщения, которые со временем предстают во всей своей отталкивающей «красе» в виде заговоров, интриг и актов отмщения. А неуправляемые инстинкты человека и его низменные качества лишь удобряют ядовитые зерна при постоянном их поливе энергией агрессии, разделения и непримиримости.

Описывая реальные истории из жизни, я стремился показать, благодаря каким качествам современному человеку удастся противостоять силам внутреннего разрушения и отыскивать для себя пути творческой реализации.

«Восьмая поправка»

(2011 год)

Во второй книге были предприняты попытки раскрыть механизмы нагнетания конфликта: от личного бунтарства до коллективного противостояния. То, о чем Авраам Линкольн говорил: «Можно все время дурачить некоторых, можно некоторое время дурачить всех, но нельзя все время всех дурачить».

Читателю предложено понаблюдать, каким образом в зону противоборства могут втягиваться целые группы людей и как силы зла используют для этого прямое воздействие на их души и тела. Ведь эмиссары «темного измерения» извечно преследуют одну и ту же цель: запустить программы накопления и культивации негатива в человеке, чтобы количество энергии разрушения и хаоса переросло в качество рокового поступка.

«Девятое звено»

(2012 год)

Заключительная часть трилогии посвящена генетической составляющей так называемой «позиции непримиримого воина». Ведь человек способен открыто или скрытно провоцировать конфликты лишь тогда, когда в его душе активизированы гены агрессии, непримиримости и местничества, полученные по наследству из закров родового и общечеловеческого генофонда.

Зачастую агрессивная воинствующая позиция приобретает массовый характер и способна легко перерасти в кровопролитное столкновение или глобальную войну. И в этих случаях мистические силы зла не стоят в стороне. Их главной целью было и остается проникновение в мир людей для вербовки все новых и новых легко управляемых «оловянных солдатиков».

*** * ***

Как уберечься и не попасться на их козни?

Способен ли человек только усилием воли победить в себе идею разрушения и страстный порыв к отмщению?

По силам ли одинокому воину предотвратить разрастание массового конфликта или начало глобальной войны?

Какая тактика наиболее приемлема в подобных условиях?

На эти и многие другие вопросы предлагаю вам найти свои индивидуальные ответы и решения в трилогии «Выбор». А для начала – сопоставить описанные истории с похожими случаями из жизни. Думаю, такой подход поспособствует разрешению накопившихся житей-

ских проблем путем духовного роста, например, поможет устоять от соблазна подавить волю слабого или не «прогнуться» под давлением более сильного индивидуума. А может, и подскажет, как простить недруга, понять мотивацию его неблагоприятного поступка, примириться и наладить с ним нормальные человеческие отношения.

Внутренний конфликт – это всегда состояние несогласия человека с Богом. Подобная непримиримость лишает нас свободы духа, а значит, и полноты здоровья. И не только физического. Ведь человек болеет от того, что живет не так, как ему хотелось бы, и в окружении не таких, как ему хотелось бы, родственников и знакомых. Да еще и в стране, где все ему кажется неправильным.

Подобным непримиримым борцам за идею хотелось бы изменить в лучшую сторону весь мир, не изменяя при этом самого себя. А мудрец сказал, что в каждом из нас есть частичка вселенной, поэтому начинать изменять мир лучше всего с самого себя.

Преобразуя свой внутренний космос, человек изменяет отношение к миру окружающему: неправильность кого-то или чего-то постепенно улечивается и на первый план выходит своя индивидуальная неправильность. А еще он высвобождается от негативного воздействия конфликтов и становится способным останавливать их, не нарушая выбора других людей.

Вряд ли помощниками в подобной работе смогут стать показательные и рекламируемые чудеса. Потому что наш мир чудесен независимо от них, как и сам человек как органическая часть чудесного творения Всевышнего. Лично я не усматриваю ничего сверхъестественного в чьих-либо способностях сгибать с помощью взгляда вилки или запускать ход остановившихся часов.

Для меня были и остаются чудесными совсем иные явления: когда алкоголик делает осознанный выбор и бросает пить, а наркоман – колоться. Когда воссоединяются распавшиеся семьи или возобновляются дружеские отношения. Чудесным образом люди находят в себе желание и способность прощать и просить о прощении.

Чудо – когда горделивый горец, давший по зову предков обет кровной мести, вдруг отказывается от своих намерений и искренне прощает кровника.

Подобные чудеса случаются постоянно на протяжении многих веков, лишь подтверждая, насколько прекрасна человеческая жизнь.

Поэтому и следует искать мир внутри себя. Но при этом не надеяться, что все изменится лишь от одного желания. Для получения результата понадобится ежедневный и кропотливый труд.

Ведь Царство Божье внутри каждого из нас...

* * *

Киев. 2012 год.

Первое издание: Ивано-Франковск, издательство «Город». 2013 год.

Рисунки, коллажи и дизайн обложки автора.

Редакция: Галина и Роман Боднарюк, Галина Максимцев.

Новая редакция: Елена Качуренко. 2016 год.

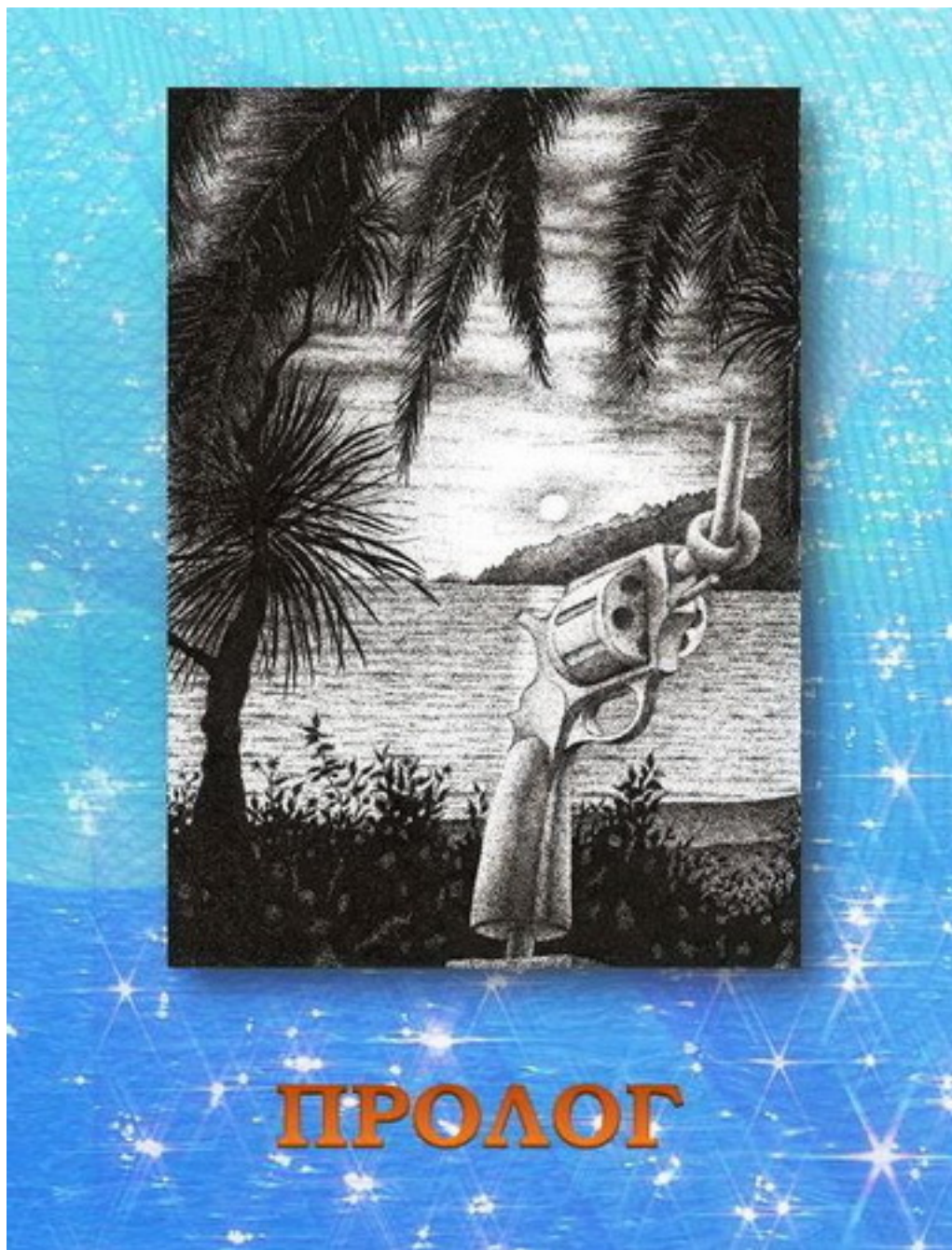
Посвящается друзьям

* * *

Эта история полностью вымышленна и не повествует о событиях из жизни реальных людей.

Войны начинаются в умах людей.
(Из преамбулы Устава ЮНЕСКО)

Пролог

В народе бытует мнение, будто ничего случайного в жизни с нами не происходит. До прошлой весны я не мог причислить себя к приверженцам данной гипотезы. Поэтому, оказавшись не по своей воле в эпицентре опасных событий, поспешил отнести подобное стечение обстоятельств к элементарной случайности. Поначалу такое предположение лишь усиливалось и плавно перерастало в убежденность, пока последующие события и, наконец, развязка не уверили меня в том, что любая случайность имеет подоплеку закономерности.

Для лучшего понимания стоит обратиться к метафоре.

Представьте, что в очередной выходной день вы решили отправиться в картинную галерею. Но при этом не предполагали, что в самом ее начале открылась новая необычная экспозиция. Какой-то заезжий художник представил в нескольких залах серию своих полотен, оформив выставку в виде хитроумной световой инсталляции.

И вот в предвкушении вы заходите в первый зал и неожиданно для себя оказываетесь в темноте. Озадаченно переминаетесь с ноги на ногу, недоумевая: «Ничего себе – наслаждался искусством!».

Но где-то впереди вдруг появляется едва уловимый лучик света. Он тянется снизу от пола и выхватывает из темноты край художественного полотна. Вы инстинктивно двигаетесь к свету и пытаетесь рассмотреть непонятный фрагмент события, изображенного на картине. А в это время сверху появляется новый источник света и вскоре пересекается с нижним лучом. Теперь вы уже можете обозревать весь холст целиком и даже вникнуть в его сюжет.

Но тут чуть в стороне начинается похожая иллюминация. Перемещаетесь туда и вникаете в сюжет следующей картины. По такому же принципу осматриваете и остальные холсты, а в зале при этом становится все светлее и светлее. Со временем вас посещает догадка, что все события на полотнах связаны между собой единым смыслом.

Переходите во второй зал, где вновь повторяется игра света, но вместе с тем появляется мысль: «Не наступить бы в темноте на хвост черной кошки». Опасаетесь, но продвигаетесь дальше, понимая, что и здесь между полотнами существует некая общность, неуловимо связанная с картинами из первого зала.

И наконец – третий, завершающий зал. Заручившись опытом, вы шагаете все смелее и все меньше опасаетесь присутствия черной кошки. А еще предвидите, что сюжеты полотен здесь тоже объединены общей тематикой и являются продолжением всего, что вы уже видели.

Именно по такому сценарию разворачивались загадочные и трагические события, произошедшие в начале прошлой весны.

10 августа 2011 года (около полудня)

Обнимая за плечи жену, я размышлял о наших житейских хитросплетениях. При этом не мог отвести глаз от маленького флажка, гордо реявшего на капоте представительского лимузина. Изображенный на нем древний символ крестоносцев и тамплиеров, ставший в наши дни государственным штандартом Грузии, вдохновлял и успокаивал одновременно.

Комфортабельный посольский лимузин уносил нас все дальше от абхазской границы к синему на горизонте вершинам Главного Кавказского хребта. Расположившись на заднем сиденье, более похожем на мягкий диван, мы с интересом обозревали живописные окрестности, находясь под впечатлением от трехдневного вояжа по черноморскому побережью. Радостные события слились в один бесконечный праздник, а музыкальным сопровождением для воспоминаний служили отголоски мелодичных напевов и ритмы зажигательных танцев, звучавшие в ушах до сих пор.

А еще не давал покоя проникновенный взгляд молодого солдата в каске миротворческой миссии, которого я только что увидел возле моста через реку Ингур. Расположившись на броне боевой машины десанта, он фотографировался вместе с однополчанами на фоне необычного пограничного поста. Трехметровая скульптура в виде старинного нагана с завязанным в узел стволом высилась на обочине дороги и напоминала известный монумент перед зданием ООН в Нью-Йорке.

Встретившись глазами с парнем на броне, я уже собирался воскликнуть: «Смотри, Оля, – это же Олег!». Но вовремя сообразил, что супруга никогда не виделась с этим посланником из недалекого прошлого...

* * *

Наша совместная с женой поездка на Кавказ стала финальным аккордом в веренице захватывающих событий, о которых я собираюсь рассказать.

А начиналось все ранней весной в Киеве.

Будто невидимый арбитр запустил ход секундомера и выстрелом из стартового пистолета известил об этом бегунов. Неожиданно оказавшись в числе таковых, я инстинктивно стартовал, но какое-то время абсолютно не ориентировался ни в длине дистанции, ни в заданном темпе бега.

Казалось бы – чем может закончиться встреча со старинным другом, которого не видел больше тридцати лет? Многие подскажут: «Как это чем? Повод хорошенько отпраздновать знаменательное событие».

Согласен, но подобные встречи сопровождаются веселым застольем лишь у нормальных людей. Я же в их число почему-то не попадаю. Лично для меня неожиданные встречи с друзьями молодости заканчиваются, как правило, опасными расследованиями.

Вот и на сей раз дистанция оказалась с препятствиями. Пока я соображал, в какой стороне натянута финишная ленточка, – с головой накрыло серией резонансных происшествий, с каждым этапом все сильнее напоминавших боевые действия.

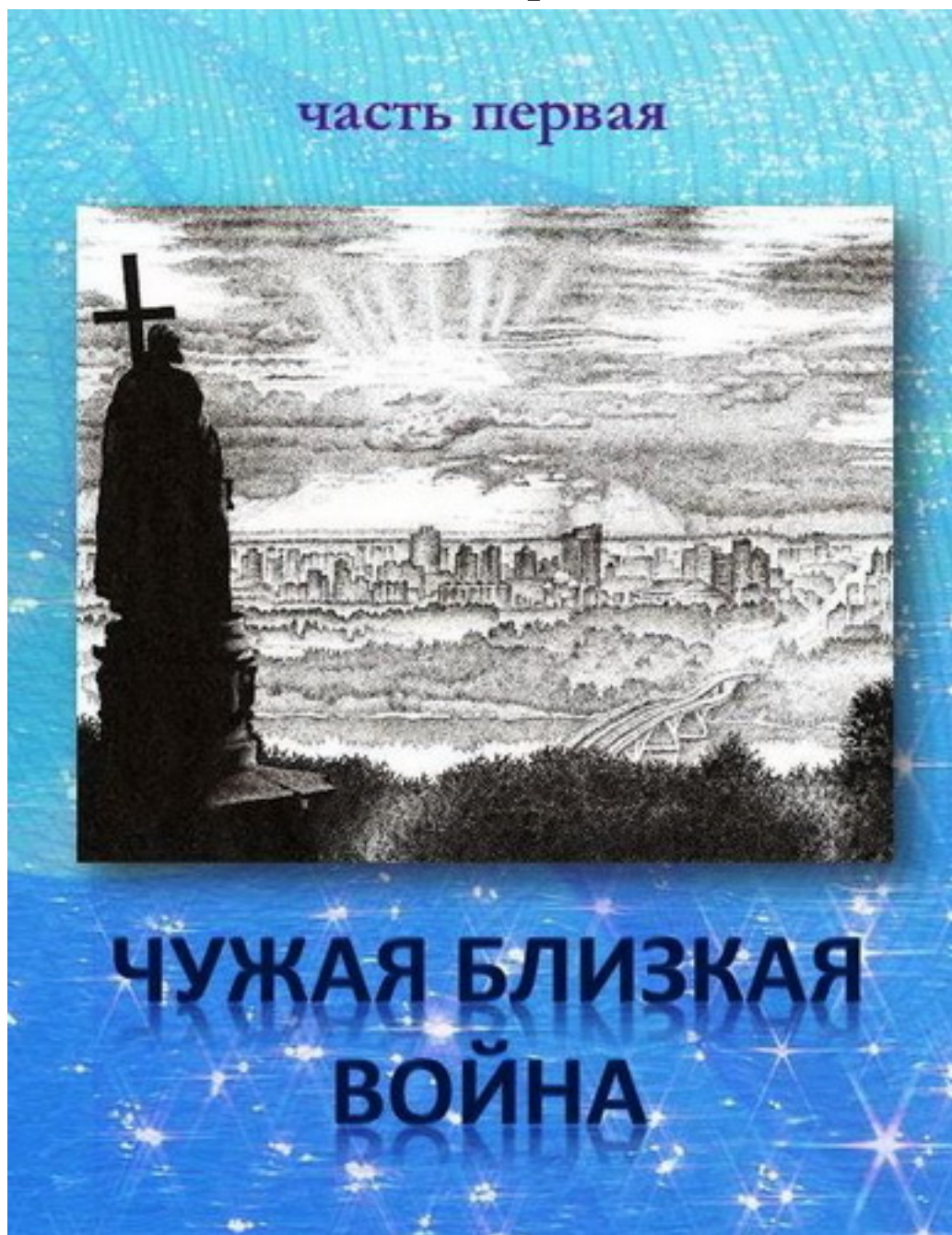
Пару раз спотыкался о перипетии хитроумно спланированных и дерзко проведенных контропераций. Не раз приходилось ускоряться, чтобы оторваться от преследования или скрипеть зубами от боли во время реальных боестолкновений. Досаждали и непростые переговоры с противником.

Ко всему прочему не обошлось без потерь среди марафонцев из разных команд. Да и сам я не раз мог сойти с дистанции из-за просчетов и досадных ошибок. Но в итоге все закончилось так, как заканчиваются все подобные истории.

Вручены пальмы первенства и нахлобучены на взмыленные головы лавровые венки. Распределены места на пьедестале почета, а какое из них досталось мне – не ведаю и по сей день. Не скажу, что мне это безразлично, но только распределение лавров не занимает в шкале моих личных ценностей основные позиции. Главное достижение в том, что силы противника в очередной раз потерпели фиаско и отступили. Надолго ли?

Надеюсь, что уважаемый читатель уже заинтригован. Не буду испытывать читательское терпение и начну рассказывать по порядку.

Часть первая

Чужая близкая война

Глава первая

*В обіймах з радістю біда...
І йде між ними боротьба,
І дужчий хто – не знаю я...*

О. Олесь¹

2 марта 2011 года (9 часов 30 минут)

– Что, простите? – склонившись над столиком, переспросила меня улыбчивая официантка.

– Это вы меня простите, – стушевался в ответ. – У вас здесь уютно и спокойно, а я вот с утра разволновался как юнец. Сейчас сюда должен прийти человек, которого я не видел больше тридцати лет. Наверное, из-за этого ерунда всякая в голову лезет.

– Все будет хорошо, – заверила девушка и поставила передо мной очередную чашку кофе. И уходя, добавила: – Не стоит волноваться.

В зале небольшого кафе, пристроенного к трехэтажной «сталинке» на углу Мельникова и Пугачева, посетителей было немного. Трое парней расположились за столиком в дальнем углу и, не отвлекаясь от планшетов и булочек, совмещали завтрак, наверное, с учебой или общением в соцсетях.

Молодая дама в леопардовой шубе, выкурившая за эти три четверти часа с полпачки сигарет, сидела за столиком недалеко от входа. Она тоже кого-то ждала и заметно нервничала, поминутно поглядывая то на часы, то на входную дверь.

Второй весенний день выдался холодным и пасмурным. Долгожданная весна началась только де-юре – согласно страничке календаря, а в реале за окнами кафешки продолжалась вялотекущая зима по-киевски.

Солнце пряталось где-то за одеялом свинцовых туч, медленно проползавших над городом, отчего казалось, что утро давно закончилось и наступили вечерние сумерки. Временами падал мокрый снег и его тяжелые мохнатые снежинки сразу превращались в грязную кашу под ногами у редких прохожих.

Электронные часы над барной стойкой показывали 9.35. А это означало, что человек, назначивший мне встречу, опаздывал более чем на полчаса.

Официантка уже дважды подносила кофе, но вместо благодарности я не придумал ничего лучшего, как задать ей просто «гениальный» вопрос: «А вы любите поэзию?».

Бесспорно, я показался ей стареющим ловеласом, поэтому поспешил исправиться и оправдать свое банальное заискивание волнением перед встречей с другом.

Но вопрос о поэзии всплыл из недр моего скопища нейронов не просто так. Просто все утро в голове распевно звучали начальные строки советского гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

Не зная, чем бы занять мозги в минуты томительного ожидания, я выстраивал демагогические умозаключения о смысле этих поэтических строк, некогда известных и по-своему близких каждому советскому человеку. Проще говоря – элементарно придирался к словам, вышедшим из-под пера именитого поэта.

Ну, вот как, например, трактовать само понятие «великая Русь»? Есть версия, что его придумали греки, называя Макрорусью все земли, подконтрольные Москве. Они слыли неплохими дипломатами и, ощутив тогдашнюю перемену политического климата, вовремя заявили крепнувшему царству Московскому о своей лояльности. А кому не понравился бы такой комплимент?

¹ В объятях с радостью беда...Меж ними точится борьба,И кто сильней – не знаю я...А. Олесь (свободный перевод с украинского)

Но вместе с тем нужно было определяться и с Киевом – «матерью городов русских». И греки пошли логическим путем: раз уж есть макро, значит, будет и микро. Так Киевская Русь стала именоваться Микрорусью. А нас, украинцев, стали называть малороссами.

Вот и получается, что молодая Московия навеки сплотила с собой древнюю Киевскую Русь, а заодно и присвоила ее немного переименованное название. Ведь только во время царствования Петра Великого Московия стала называться Россией.

Перейдем к вопросу о «нерушимом союзе». Союз, бесспорно, был, но существовал за счет псевдопрочных идеологических уз под названием: «советский миф». И как любой миф должен был на чем-то базироваться. В нашем случае – это четкое и поступательное движение из темного и жестокого прошлого в светлое и счастливое будущее.

Естественно, что люди в этом мифе тоже должны были выглядеть чистыми и светлыми, а главное – сопричастными к родной сверхдержаве с ее идеей построения коммунизма.

А если находились отщепенцы, то мы их быстренько перековывали, перевоспитывали, брали на поруки. Не желавших перековываться подвергали всеобщему презрению, для особо же неблагонадежных имелись многочисленные «оздоровительные» лагеря или клиники.

И все это благодаря великому вождю народов – Иосифу Виссарионовичу Сталину. Именно Коба оплодотворил страну идеей формирования нового человека и назначил себя крестным отцом невиданной ранее общественной формации. Ее и нарекли советским народом.

Шли годы. А к тому времени, когда «нерушимый Союз» начал трещать по швам, советский народ вместе с закрепленной за ним одной шестой части земной тверди уже возымел закрепившееся прозвище «совок».

Не помню, кто сказал, что «совок» – это состояние спящей души. Или краткая характеристика человека, которому не привили понимание смысла жизни. Зато компенсировали недостаток навыком видения всего того, что может принести ему выгоду. Именно таким был и я во времена Союза. Да и сейчас нередко замечая за собой проявления махровой совковости.

Советский агитпроп настолько переклинил согражданам мозги, что даже теперь, спустя два десятилетия после краха «Союза нерушимого», встречаются индивидуумы, которые яростно ненавидят советский строй и одновременно о нем ностальгируют. Разве это не похоже на убогость мышления? Один исследователь заметил, что совковость не нужно путать со старческим маразмом, хотя симптомы очень похожи.

А еще нас научили гордо презирать всех, кто живет лучше других. В понимании «совков» богатый человек не может быть честным и порядочным. Кристально чистым может быть лишь гражданин, безынициативно сидящий на голой ставке с неприкрытым тылом и мечтающий о рае на земле и «мире во всем мире». При этом он всегда готов участвовать в любимом занятии шариковых – «отнять и поделить». Но, сколько бы ему не досталось, удержать полученное не в состоянии, оставаясь голым и босым.

Мне запомнилось высказывание одного известного россиянина, который поделился личной формулировкой, определяющей облик советского человека: «Это индивид, которому постоянно чего-то не хватает, и у которого по жизни чего-то нет. Только нет – не потому, что негде взять или нет возможности это возыметь. А нет потому что: нет – ну и фиг с ним!».

Но хоть немалому числу бывших советских людей свойственна внутренняя беспомощность, они при этом упорно стремятся кого-то поучать, кем-то управлять и направлять в нужное русло. А прикрывается сей зуд бурной деятельности заботой о человеке на фоне непоколебимого жизненного кредо – безоговорочного мнения по любому вопросу: «Я знаю! Так сказали по зомбоящику. Или же с высокой трибуны».

Одна из причин произошедшего с нами – искаженное толкование национального вопроса. Сограждан попросту убедили, что таковой проблемы в Союзе нет. Как не было секса, проституции, наркотиков и всего того, чем «заражен» постылый запад.

На самом деле национальный вопрос актуален еще со времен Цицерона. И если закрывать на него глаза, то не перестанут появляться все новые «горячие точки» на карте мира.

Но советский миф продолжал твердить, что мы живем как одна большая и дружная интернациональная семья. То есть как нечто противоположное эгоистичным «буржуазным» нациям и националистам, от которых недалеко и к нацистам (благо, после Великой Отечественной против германских и прочих нацистов-националистов у нас выработался стойкий иммунитет).

На самом же деле политическая нация – союз принимающих некие общие ценности и ориентиры личностей без учета их национальности. А спасение нации в трудные времена зависит от того, как быстро и в какой геометрической прогрессии будет расти число граждан, которые понимают, что происходит в жизни с родиной и с ними. И опять же независимо от национальной принадлежности.

Но кремлевские вожди решали по-иному и со времен холодной войны спасали не советский народ, а свой «железный занавес» от коварной западной демократии, все больше погружаясь в гонку вооружений. В ряды советской армии торжественно провожали практически все мужское население страны, достигшее призывного возраста. Священный долг исполняли представители почти всех национальностей державы, а советский миф преподносил это как убедительный фактор интернационального сплочения и единства народов.

И пусть даже у тех, кто отслужил срочную службу, оставались дружеские связи со своими сослуживцами, в целом миф оставался всего лишь мифом.

Спешу объяснить. Все эти мысли и субъективные выводы не возникли в моей голове без причины или ниоткуда. Всею виной – вчерашний телефонный звонок, заставший меня врасплох. Он произвел эффект удара виртуального молота по моему реальному темени.

* * *

Но вначале – предыстория. Иначе придется потом не раз прерывать повествование и объяснять суть происходящего.

Будучи старшеклассником, я серьезно увлекался спортом. Помимо греко-римской борьбы освоил боевое самбо и основы восточных единоборств. К тому же просто бредил службой в десантных войсках, и в результате получил сполна все, к чему стремился.

Отец в те годы служил армейским офицером и поддерживал товарищеские отношения с городским военкомом – дагестанцем по национальности. Вот они и пошли мне навстречу, организовав призыв по благу.

И, как говорится, мечтатель попал. То есть попал служить именно в десантные войска. И не в обычные ВДВ, а в новейшее войсковое спецподразделение – десантно-штурмовую бригаду горного назначения.

Отчетливо помню, как накануне отправки в часть военком успокаивал отца:

– Не переживай, дорогой! В наши края люди на курорт едут, а твой сын там служить будет. На Кавказе хорошо: солнце, горы, море. Рядом с Грузией – мой родной Дагестан. Захочет, к маме моей будет в гости ездить. А еще открою тебе военную тайну: по приказу Москвы в эти новые войска призывают только славян: русских, белорусов и украинцев. Бригада подчиняется только Москве, поэтому обеспечение организовано на высшем уровне. Кормить будут как космонавтов.

Вот так я и оказался в Имеретии, в элитной славянской части, где вскорости пожалел, что накануне беспечно провалил вступительные экзамены в военно-политическое училище.

Первые два месяца нас нещадно муштровали круглыми сутками. А делалось это для того, чтобы отфильтровать слабых. Ребят, у которых сдавали силы и нервы, отселяли в отдельную казарму, а позже отправляли служить в дружественную Монголию для оказания помощи братскому народу в строительстве оборонительных сооружений на границе с недружественным Китаем.

После учебки и принятия присяги меня определили в зенитно-ракетную роту. А это означало следующее: если штурмовикам пехотных батальонов приходилось десантироваться в горах только с индивидуальным снаряжением, то нас выбрасывали из «вертушек» вместе с горными пушками и переносными зенитными комплексами. Что и говорить – адреналин зашкаливал.

Но были и светлые полосы в нелегкой службе штурмовика-десантника. Два раза в год наша зенитная рота отправлялась на морские стрельбы. Они проходили на окружном полигоне у самого Черного моря в окрестностях абхазского городка Очамчири. А на втором году службы меня на полгода прикомандировали к учебному центру, который обеспечивал работу этого полигона. Сам же центр располагался на окраине города Очамчири в живописной парковой

зоне на берегу моря. По сравнению с родной частью в Кутаиси – просто рай на земле. Повсюду пальмы, платаны, рододендроны, а вместо обычного кустарника благоухали лавровые кусты. Я даже засушил под койкой веник из пахучих листьев и позже привез его маме в качестве дембельского подарка.

Именно в этой «военно-санаторной» части я познакомился с худошавым, черноволосым пареньком из Абхазии по имени Баграт. Как и подобает кавказцам, он говорил с восточным акцентом, но фамилию при этом носил украинскую – Кравченко. Как вам такое?

В отличие от кутаисской части в учебном центре служили в основном кавказцы, хотя все офицеры были исключительно русскими и украинцами. Все, кроме замполита – подполковника Аршба Рауля Джотовича. Это объяснялось спецификой идеологической работы, проводимой в частях и подразделениях армии страны Советов. Ведь замполит занимается личным составом, а значит, свой замполит-земляк лучше других подберет ключики к солдатам-горцам.

А с Багратором Кравченко мы быстро и крепко сдружились. Что и привлекло внимание замполита, который, кстати сказать, говорил по-русски без малейшего акцента. А еще он свободно изъяснялся на языках малых народов Кавказа, общаясь с другими солдатами.

Однажды замполит остановил нас на выходе из столовой.

– Что-то подозрителен мне ваш союз, товарищи солдаты, – сказал и просверлил обоих оценивающим взглядом. – Ты, десантник, сегодня здесь, а завтра уедешь в свою часть. А рядовому Кравченко еще полгода вместе со мной служить придется. У меня ведь на каждого солдата заведено досье, так что не прибавляй мне лишней работы и не порть характеристику Кравченко. Иди и дружи со своими хохлами на полигоне.

Меня озадачили его откровения, и до конца я так и не понял, чего добивался Аршба. А упоминание о национальной принадлежности вообще шокировало: «Ничего себе, дружба народов! А как же интернационализм? И это говорит коммунист и замполит».

Естественно, вслух я ничего не сказал. Потому что Рауля Джотовича боялись все: от командира центра до заведующих магазинами и кафе курортного городка Очамчири. А по части ходили слухи, что у замполита среди местных много друзей, и каждый делится с ним информацией. Докладывают, как ведут себя в городе солдаты и офицеры и кто из военных поддерживает контакт с местным населением. Сам же он любил демонстрировать свою осведомленность и частенько во время общих построений рассказывал, каким образом тот или иной солдат «отличился» в увольнении.

Но, несмотря ни на что, наша дружба с Кравченко крепла, а со временем и грозный замполит, казалось, смирился. Он даже отпустил нас в двухдневное увольнение домой к Баграту, а поездка была приурочена к празднику Победы. Мы удостоились подобной привилегии за примерную караульную службу на полигоне.

Баграт Мерабович Кравченко родился и вырос в шахтерском городке Ткварчели, который расположился высоко в горах недалеко от Очамчири. Этот рабочий поселок с несколькими прилегающими горными селениями получил статус города республиканского подчинения во время Великой Отечественной войны. В те годы воюющему государству срочно понадобился каменный уголь, а Донбасс уже был оккупирован немцами. Повинуясь призыву партии и правительства, в Абхазию съехались горные специалисты, шахтеры и строители со всего Советского Союза. А в послевоенные годы с помощью пленных немецких солдат и горных инженеров Ткварчели превратился в цветущий город-курорт и город-труженик.

В конце пятидесятых годов прошлого столетия именно в этом городе познакомились и создали семью осетинский парень Мераб и уроженка украинского города Кременчуга медсестра-комсомолка Оксана Кравченко. Правда, вскоре семья распалась. Мераб по наставлению родственников уехал в Северную Осетию, а Оксана осталась жить в Ткварчели с маленьким сынишкой на руках. После развода она оставила девичью фамилию, поэтому подраставший

среди абхазских и грузинских ребятишек Баграт свободно разговаривал на обоих языках, но при этом носил украинскую фамилию.

И вот ранним утром 8 мая мы с ним получили долгожданные увольнительные записки. В полупустом вагоне пригородного поезда добрались до Ткварчели, где пересели на рейсовый автобус до пригорода. Трудяга ЛАЗ медленно, но уверенно карабкался по извилистой горной дороге через весь шахтерский поселок Акармара. Каждая из восьми горизонтальных шахт имела свой порядковый номер, а жилые и административные постройки теснились у самых обрывов на террасах величавой горы Бахунджара. Зрелище просто завораживающее! Стоишь на площадке возле одного шахтоуправления, а прямо над головой на высоте пятнадцатитажного дома нависает терраса с постройками следующей шахты.

Когда приехали к Баграту домой, я понял, в каких первобытных условиях обитает старшая медсестра шахтоуправления Оксана Кравченко.

У самой дороги притулился деревянный барак с длинным коридором, заставленным ящиками и шкафами. У дверей жилых комнат дымились керосиновые примусы и керогазы, на которых жены горняков готовили нехитрую еду для своих мужей и малолетних чад. А воду набирали из крана с проржавевшим вентилем, который торчал прямо из-под земли на обочине дороги. Чтобы помыться или постирать, нужно было идти на шахту, где круглосуточно работала душевая.

Жилая комнатка разделялась самодельной деревянной перегородкой, образуя два крошечных закутка. Тетя Оксана (так она предложила себя называть) оказалась невысокой худощавой блондинкой с миловидной внешностью и усталыми глазами. Годы, прожитые в Абхазии, никак не отразились на ее голосе. Даже наоборот – отчетливо слышалось украинское произношение с глухим мелодичным «г».

Несмотря на тяжелое впечатление от условий жизни ткварчельских горняков, наш кратковременный отпуск прошел насыщенно и плодотворно. Ранним утром 9 мая мы поехали в город, где Баграт познакомил меня с друзьями – коренными ткварчельцами. Все они – и парни и девушки разных национальностей отличались особым дружелюбием и гостеприимностью. Все-таки Кавказ есть Кавказ.

Весь день мы гуляли по городу, украшенному кумачовыми стягами и транспарантами. На долгие годы в памяти запечатлелось восторженное душевное состояние от неповторимых пейзажей: утопающие в зелени улицы и нависающие со всех сторон отроги Кавказских гор.

Повсюду шумно и многолюдно. Слышались радостные возгласы и пение, доносившееся из глубины скверов и открытых окон домов. Слова советских песен гармонично перекликались с кавказской многоголосицей.

Город буквально утопал в цветах, а пьянящий аромат кружил голову вместе с вином, которого в тот день мы выпили немало. Чуть заприметив двух солдат, люди зазывали нас в компании и не отпускали до тех пор, пока мы не выпивали за здоровье каждого, начиная с присутствующих и заканчивая руководителями партии и правительства. Были жаркие объятия и поцелуи, а в одном из дворов нас принялись качать на руках, что лично у меня вызвало мальчишеский восторг.

Поздним вечером уставшие, но счастливые и сильно подвыпившие защитники Родины добрались до шахтерского общежития. И, беспрекословно следуя строгой рекомендации тети Оксаны, больше часа отмокали под упругими струями прохладной воды в шахтерской душевой.

А ранним утром протрезвевшие отпускники уехали в Очамчиру, потому что замполит Аршба строго-настрого наказал нам вернуться в часть к утреннему построению на развод.

Увольнение прошло без замечаний, но теперь предстояло сообразить, каким образом спустя две недели снова попасть в Ткварчели. Одноклассник Баграта в те дни призывался в

армию, а его многочисленные родственники взяли с нас честное слово, что мы обязательно приедем на проводы.

К слову сказать, меня совсем не удивило, что на следующий день после возвращения из увольнения Аршба знал все подробности нашей поездки.

– А теперь рядовой Кучер расскажет нам, сколько стаканов «Принца датского»² было выпито в кафе «Лашкендар», – хитро прищурившись, объявил он перед строем во время вечерней поверки. – Давай, десантура, хвастайся, не стесняйся.

Не будучи уверенным, что осведомители замполита есть и в Ткварчели, я было начал грешить на Кравченко, но потом рассудил: «Если Баграт предоставил замполиту подробный отчет, то должен был упомянуть и о приглашении на проводы. Значит, я ошибаюсь – Кравченко не может быть стукачом». Но тут же стал обмозговывать по-иному: «А если Аршба знает о приглашении и теперь просто выжидает, как будут развиваться события?».

Несмотря на мыслительные подозрения, наши отношения с Багратам не изменились. А после того, как он предложил мне съездить в Ткварчели без него, сомнения в порядочности друга окончательно развеялись. Более того, он самолично разработал секретный план, благодаря которому и удалось воплотить в жизнь задуманное.

– Я буду прикрывать тебя в части, – с видом бывалого конспиратора инструктировал меня Баграт. – Мы попросим старшину, чтобы он поставил нас обоих в наряд на полигон именно в этот день. Потом договоримся с начальником караула и другими ребятами, чтобы в случае проверки они в один голос заявили, что ты стоишь на дальнем посту возле автопарка. Вряд ли кому-то захочется перепроверять. Но учти – ты должен вернуться к утреннему построению на развод. Ведь там всегда присутствует замполит и лично проверяет состав меняющегося и заступающего караула.

Так и поступили. В назначенный день сразу после развода я уехал на попутной машине в Ткварчели, а личный состав суточного караула дружно прикрывал мое отсутствие. Все шло по намеченному плану и закончилось успешно – за сутки не было ни одной проверки. Оставался последний и решающий штрих: построение на утренний развод. Вот тут-то и случилась при-
скорбная осечка, о которой я сожалею по сей день.

Тогда я поступил безответственно и самонадеянно, а если выражаться проще – соизволил нализаться до состояния выхода в нирвану и созерцания там оранжевых баклажанов. Вследствие чего родственниками призывника был доставлен на полигон в невменяемом состоянии лишь к обеду.

А позже, придя в себя, узнал, каких трудов стоило начальнику караула и самому Кравченко прикрывать меня перед замполитом. Они придумали правдоподобную легенду о моем пищевом отравлении и о том, что рано утром бедолагу отвезли в медсанчасть полигона. Эту версию подтвердили дежурный офицер по части и доктор-армянин, которых потом пришлось долго и недешево благодарить за поддержку. В общем, создалось впечатление, что Аршба поверил. Особенно после того, как внимательно и даже сочувственно оглядел мою помятую и обрюзгшую физиономию во время вечернего построения.

Но с того самого дня мой друг Баграт стал всячески избегать встреч и общения со мной. Я и сам осознавал степень своей вины, и без каких-либо оправданий неоднократно просил прощения. Но все оставалось без изменений.

Естественно, разрыв нашей дружбы заметил Аршба и тут же приступил к независимому расследованию. Первым делом вызвал к себе Баграта, о чем сам Кравченко позже рассказал:

² «Принц датский» – популярный в советской Абхазии «коктейль», когда в бокал с шампанским бросали крохотные ломтики шоколада.

– По твоей милости он меня насиловал полтора часа. Я ничего не рассказал про самоволку. А по поводу ссоры объяснил, что ты плохо обо мне отзывался в разговоре с другими солдатами. В случае чего, ребята подтвердят – я договорился. Кстати готовься, потому что замполит собирается и тебя вызвать на беседу.

В очередной раз я попросил у него прощения, но слова улетучивались куда-то мимо ушей. Грустные глаза смотрели сквозь меня в пустоту, после чего Баграт ушел, не сказав ни слова. А вскоре дневальный сообщил, что меня разыскивает замполит.

Вот и представилась возможность испытать на себе профессиональный натиск абхазского политработника. В течение двух часов продолжалась душещипательная беседа, в ходе которой Рауль Джотович показал себя во всей красе. То он выступал в роли дотошного дознавателя, то надевал маску по-отечески настроенного старшего товарища. Потом с помощью психологических приемчиков попытался залезть в душу, а под занавес применил метод запугивания под названием «размазывание слабо сформированной личности старослужащего солдата тонким слоем по стенам кабинета». Временами казалось, что он вот-вот перейдет к следующей стадии натиска под девизом «решающая роль офицерского сапога в деле воспитания подрастающего поколения». Но, к счастью, до этого не дошло. Зато в конце разговора Аршба в открытую попытался меня завербовать для получения нужной ему информации. В ответ я прикинулся дурачком и сделал вид, будто не понимаю, чего он добивается. Замполит быстро раскусил игру в несознанку и закончил разговор приблизительно так:

– После твоего отъезда отсюда я напишу командиру части замечательный отзыв о командировке рядового Кучера. Так что на дембель уедешь тридцать первого декабря, а на часах будет время – четверть до полночи. А еще попрошу выдать тебе такую характеристику, с которой потом и в тюрьму не примут.

До окончания очамчирской командировки я ходил по части, как говорится, на кошачьих лапах и со страхом оборачивался на каждый шорох. А с Баграмом отношения так и не наладились.

Вскоре я отбыл в родную часть, где поздней осенью одним из первых демобилизовался и уехал домой. При этом увозил с собой положительную характеристику о прохождении срочной службы в рядах Советской Армии. После чего неоднократно задавался вопросом: «Почему же грозный замполит так и не выполнил своей угрозы?». Ответа на этот вопрос не было.

А еще на протяжении нескольких лет я писал письма Баграту и отправлял поздравительные открытки, но все они так и остались без ответа.

* * *

С тех времен прошло более тридцати лет. А вчера вечером, когда я вернулся домой после важных переговоров о слиянии двух коммерческих фирм, раздался звонок домашнего телефона:

– Вас беспокоят из посольства Республики Грузия в Украине, – послышался в трубке басистый мужской голос с ярко выраженным кавказским акцентом. – Мы разыскиваем Сергея Ивановича Кучера, который в семидесятых годах служил в 21-й десантно-штурмовой бригаде в городе Кутаиси.

– Да, это я. А по какой причине вы меня разыскиваете?

– Слава Богу, мы вас нашли! – радостно воскликнул «бас», проигнорировав вопрос. – Нам пришлось обзвонить почти всех Кучеров в Киеве, чьи номера есть в телефонной книге. С такой фамилией в столице почти тысяча человек живет, поэтому мы были вынуждены...

– Простите, но в чем дело? – прервал я собеседника.

– Вас разыскивает господин Кравченко Баграт Мерабович. Я сейчас передам ему трубку.

Моментально почувствовал, как засосало под ложечкой, а внутри живота растеклась волна обжигающего холода. Будто бы я был раздет до пояса, а какой-то шутник запустил в грудь снежком. Рука, сжимавшая телефонную трубку, предательски подрагивала в такт учащенному сердцебиению, во рту моментально пересохло.

– Алло, Сергей? – услышал давно забытый хриловатый голос. – Это Баграт Кравченко. Помнишь такого? Мне надо срочно с тобой увидеться. У меня большое горе.

– Здравствуй, Баграт, – ответил осипшим от волнения голосом и прикрыл ладонью трубку, чтобы прокашляться. После чего заговорил увереннее. – Конечно, конечно же, помню! Давай встретимся. Ты можешь прямо сейчас приехать ко мне домой. А что у тебя стряслось?

– Я Киев совсем не знаю, – посетовал он в ответ. – Мой друг из грузинского посольства говорит, что недалеко от их здания на улице Мельникова есть неплохое кафе. «Уют» называется. Приходи завтра в девять часов утра – там и поговорим. И спасибо за приглашение и за то, что не прикинулся, будто меня не знаешь.

Я собирался ответить, но в телефоне послышались короткие гудки. Положив трубку, посмотрел на светящееся окошко определителя номера – там мерцала строчка «номер абонента скрыт».

«Повезло еще, что жена уехала к родителям и не видит меня в таком растерянном состоянии», – подумал, направляясь в кухню.

Затевать ужин не хотелось, но во рту все еще было сухо. Поэтому заварил крепкий чай, но так и просидел над чашкой, окунувшись в поток сумбурных мыслей и воспоминаний. А когда спохватился, чай уже остыл.

* * *

И вот сегодня, то есть 2 марта, я приехал к назначенному времени в кафе «Уют», где и сидел в ожидании встречи с давнишним армейским другом.

Из-за неожиданного поворота событий мозги были забиты размышлениями о канувшем в лету Союзе и его многострадальной общности – советском народе. А еще воспоминаниями о том, как мы служили с Баграта в Очамчири. Тем временем часы указывали на то, что встреча то ли откладывается, то ли не состоится.

«Ну почему нельзя было догадаться, попросить у Баграта номер телефона? – нещадно корил я себя. – Рассуждаешь тут о совковости, а сам-то на ровном месте утратил самообладание и размяк, как кисейная барышня. Тоже мне – бывалый сыщик. Хотя бы фамилию грузинского дипломата спросил. Правильно говорит жена, что высокое звание может кардинально сузить высоту лба».

Неизвестно, чем бы закончилось самобичевание, но сквозь залепленное мокрым снегом окно заметил, как напротив кафе остановился черный «мерседес». Задняя дверца распахнулась, после чего из салона выбрался высокий худой кавказец в длинном кашемировом пальто под цвет машины. Придержал рукой широкополую шляпу и, осмотревшись по сторонам, направился в кафе.

Не смотря ни на что, я сразу узнал Баграта. И не в последнюю очередь по специфическому профилю коренного жителя кавказских гор. Как и в молодые годы, он абсолютно не походил на свою маму-украинку, а теперь и подавно.

Серая шляпа с загнутыми вверх полями была надвинута на глаза, и казалось, что горбинка на выступающем носу служит для нее своеобразным ограничителем. Традиционные пышные усы, как и раньше, скрывали тонкий разрез губ, а острый подбородок и выступающий кадык покрывала густая черная щетина.

Затаив дыхание, я поднялся и поспешил навстречу старинному другу – с каменным лицом он снял шляпу и молча меня обнял. Я сразу почувствовал облегчение, но заметил, как плечи Баграта стали мерно подрагивать. Уткнувшись лицом в меховой воротник моей куртки, он беззвучно рыдал. Мы стояли посреди зала, а посетители кафе и девушка-официантка с интересом наблюдали эту немую сцену.

– Пойдем за столик, Баграт, – предложил я после того, как он немного успокоился и, отстранившись, осмотрел меня с головы до ног.

– Ну, здравствуй, дорогой! – наконец поздоровался и попытался улыбнуться. – Никогда не думал, что вот так встретимся. Вообще не думал, что хоть когда-нибудь встретимся. Прости меня – знаю, что дурак.

Расположились за столиком, и Баграт попросил официантку принести бутылку грузинского или абхазского вина. Ну и что-нибудь перекусить.

– Горе у меня великое, Сережа, – скорбно сообщил после ее ухода. – Дочка погибла здесь в Киеве. Два дня назад.

В одночасье он превратился в дряхлого старика и снова беззвучно зарыдал, прижав к лицу полы своей шляпы. А я вдруг подумал: «Сколько бы ни насиловал я свои мозги в поисках причины столь неожиданного звонка, никогда бы не додумался до такой страшной версии».

– Мне очень жаль, Баграт. От всего сердца искренне тебе соболезную. Но как это случилось?

– Не знаешь, здесь курить можно? – спросил он, вытирая лицо платком и оглядываясь по сторонам. – Ужасно хочу курить.

– Можно, для этого и пепельница на столе. Пожалуй, и я составлю тебе компанию.

Кравченко закурил и положил рядом с пепельницей примятую пачку абхазских сигарет «Астра», которые всегда были популярными в Абхазии.

– Угощайся, дорогой, – предложил, пододвигая пачку. – Наверное, давно абхазских сигарет не курил? Помнишь, мы в армии только «Астру» курили?

– Конечно, помню. Так что же все-таки произошло?

Он посмотрел куда-то мимо меня, а потом опустил глаза и произнес медленно и с давней болью:

– Этот вопрос не дает мне покоя всю жизнь. Просто фатально меня преследует. Что случилось с нашей дружбой, Сергей? Что случилось с нашей общей страной? Что потом произошло с Абхазией? Что не так с моей семьей? С моей Ламарочкой...

– Ламара – это твоя дочь?

– Она уже на выпускном курсе университета училась, – закивал головой убитый горем отец. – Решила пойти по стопам отца...

– Прости, Баграт. Мне близка твоя боль, но ты не мог бы рассказать все по порядку? Мы не виделись тридцать лет, и, как ты понимаешь, я ничего о тебе не знаю.

– Да, да, конечно, – спохватился он. – За последние годы я настолько привык к душевным переживаниям, что, кажется, стал воспринимать все поверхностно и безучастно. Но сейчас, увидев тебя, снова почувствовал, как все невыносимо – не знаю, как с этим справиться. Я ведь остался совсем один. Извини, меня опять уносит в дебри.

– Ничего, дорогой, можешь не торопиться. А с душевной болью справиться действительно тяжело. В таких случаях принято говорить, что время лечит и нужно потерпеть, но я подобных шаблонов не люблю. Есть раны, которые не заживают, и остается лишь научиться, с этим жить. А еще постараться, чтобы подобных ран больше не прибавлялось.

– Ты стал мудрым человеком, – заметил он, прищурившись. – Наверное, потому что умеешь прощать. Хотя ты всегда был альтруистом. Я сужу об этом по тому, насколько искренне ты умеешь просить прощения. Я ведь все твои письма получил и сохранил. Спросишь, почему не отвечал? Да потому, что я гордый! Эта гордость вот где у меня сидит!

Кравченко повысил голос и резким движением приложил ладонь к своему кадыку. Девушка в шубе, заметно уставшая от ожидания, безучастно взглянула в нашу сторону и, вздохнув, отвернулась.

– Ты себе представить не можешь, как я устал от своей кавказской крови, – посетовал он. – Какая-то извечная борьба противоположностей. Кто-то во мне говорит: «Ты напыщенный и себялюбивый дурак». И тут же кто-то другой начинает яростно протестовать: «Сдашься – выкажешь себя слабаком. Ты горец и обязан уважать законы гор. За все надо воздавать сполна. За добро отблагодарить, а за зло – непримиримая месть». Вот так я и жил, пока не ощутил смертельной усталости от такой жизни. Призадумался на старости лет, а тут вдруг такое...

Он замолчал и дрожащими пальцами принялся выбивать из пачки очередную сигарету. Потом вставил себе в усы и, прикурив, жадно затянулся. Выпустил в потолок облако сизого дыма и продолжил:

– После демобилизации я сразу вернулся домой к маме. Пошел работать на шахту, но задумался о высшем образовании. Ты же знаешь – у нас это престижно. Начал собирать документы для поступления в сухумский пединститут и однажды поехал к нашему замполиту за характеристикой. Ты же помнишь подполковника Аршба?

– Такого забудешь... Одиозная личность.

– Ты просто многого не знаешь, Сергей. Рауль Джотович встретил меня по-отечески тепло. Выдал положительную характеристику и поинтересовался, знаю ли я, что со следующего

года сухумский педагогический будет преобразован в государственный университет. Я этого не знал, и он доходчиво объяснил: «Это значит, что будет расширенный набор. И конкурс из-за этого тоже будет немалый. Трудно тебе придется, но если хочешь – я помогу. Мой родственник работает в приемной комиссии». Я, конечно, гордый, только не при таких обстоятельствах, поэтому сразу согласился. Знаю, о чем ты сейчас думаешь. Только прошу дослушать до конца, а потом уже сделаешь выводы.

Я кивнул. Баграт правильно угадал мои мысли о том, что Аршба просто так вряд ли бы стал помогать кому-либо, не рассчитывая получить «обратку». А визави продолжал рассказ:

– Короче, о многом мы тогда поговорили с Раулем Джотовичем. И о маме моей, и о работе на шахте. Душевный разговор получился. А через месяц маму неожиданно вызвали в профком и сообщили, что скоро нам выделяют квартиру в новом доме. Потом и меня в горком комсомола пригласили. Сказали: «Пора Баграт Мерабович, становиться в ряды коммунистической партии Советского Союза». Я был в таком окрыленном состоянии, что даже не задумывался, почему это вдруг все стало меняться в жизни. А к весне мы получили двухкомнатную квартиру в самом центре Ткуарчала.

– Как ты сказал? Ткуарчала?

– Ах да. Ты же не в курсе. У нас теперь все произносится в абхазской транскрипции. Ткварчели, Сухуми, Очамчири – это грузинские названия. Сейчас принято говорить: Ткуарчал, Сухум, Очамчыра. Так что привыкай – может пригодиться. Ладно, на чем я остановился? Так вот: к майским праздникам мы с мамой переехали в новую квартиру и были самыми счастливыми людьми на земле. А когда ей предложили руководящую должность в городской санэпидстанции, я задумался: «Из-за чего так кардинально изменилась наша жизнь? И почему это начало происходить именно после моего визита к Аршба?». Решил поехать и обо всем его расспросить. А он прямо с порога и говорит: «А я уже заждался. Решил проверить, как у тебя мозги работают. Ты, наверное, хочешь о чем-то спросить? Это лишнее. Все, что я делаю для твоей семьи – моя личная инициатива. Ведь ты же меня ни о чем не просил? Поэтому и требовать чего-то взамен не собираюсь. Пойми, что скоро все изменится. Вся наша огромная страна будет совсем иной. Я об этом давно знаю, поэтому не собираюсь сидеть, сложа руки, а когда начнутся перемены, мне понадобятся помощники. Нормальные, решительные, умные и преданные люди. Так что иди, дорогой, учись и приложи максимум усилий, чтобы стать настоящим человеком».

– Ничего себе разговор с замполитом, – удивился я. – А чего это он так проникся к тебе?

– Не только ко мне, – пояснил Баграт, но так и не ответил. – В общем, поступил я на исторический факультет университета. Был парторгом курса и закончил учебу с красным дипломом. Собирался идти в аспирантуру, но неожиданно заболела мама. Пришлось возвращаться в Ткуарчал. В Сухуме мне выдали направление на работу в городской архив, где я и проработал всю жизнь. Правда, и аспирантуру смог закончить, но только заочно. Так что перед тобой сидит кандидат исторических наук и автор нескольких книг по истории древних народов Абхазии.

– Молодец, Баграт Мерабович, – искренне порадовался за него. – Признаюсь, что именно этого я от тебя ожидал.

– Только радоваться особого повода нет, – горестно заметил историк и потянулся за очередной сигаретой. – На этом светлая полоса моей жизни заканчивается. В 1986 году, как раз в тот день, когда случилась беда в Чернобыле, умерла мама. Тихо умерла, во сне. Остался я один на всем белом свете, хотя посещали мысли разыскать отца. Но сразу вскипала кавказская кровь: раз и навсегда я приказал себе больше никогда об этом не думать. А в тот год многие наши шахтеры ездили в Чернобыль, а потом некоторые умерли от радиации или стали инвалидами. Это я к тому, что вскоре после смерти мамы познакомился с вдовой одного шахтера-чернобыльца, а в 1989 году мы поженились. Марина по национальности такая же полукровка, как я, только папа у нее грузин, а мама русская. А в браке со своим первым мужем-мегрелом про-

жила всего два года. Без раздумий я усыновил ее ребенка от первого брака, а уже через год у двухлетнего Даура появилась сестричка Ламара. Что сделало меня счастливым отцом, терпеливым отчимом и несчастным мужем.

Он извлек из внутреннего кармана кожаное портмоне внушительных размеров и развернул на столе. Достал из бокового кармашка примятый фотоснимок размером со спичечный коробок и положил передо мной.

– Посмотри, Сергей, какими с виду счастливыми мы были в те годы.

Я поднял со стола семейную реликвию и всмотрелся в пожелтевшее от времени черно-белое изображение. На парковой аллее стояла молодая пара с двумя маленькими детьми. Совсем еще молодой Баграт обнимал за плечи худенькую девушку в коротком светлом платье. Свободной рукой он держал за руку накупившегося смуглолицего малыша в белой майке и коротких шортиках, а на миловидном лице девушки на долгие годы запечатлелась неестественная и, казалось, вынужденная улыбка. Я заметил, что молодая мамаша как-то неласково, не по-матерински прижимает новорожденного младенца, завернутого в белое одеяло с бантом, но вместе с тем не сводит взгляд со старшего сына.

Вернул фотографию Баграту и обратил внимание, насколько небрежно он затолкал ее обратно в бумажник. Потом снова закурил и продолжил:

– После родов Марина сильно изменилась. Врачи говорили, что у нее какой-то послеродовой синдром. А как по мне – просто повредились психика. Детьми не занималась, на работу после декрета выходить не захотела. Зато начала пьянствовать и без объяснений уходить из дома. Мне, привыкшему к работе с документами, не составило особого труда проверить ее семью по картотекам и учетам. А когда проверил, то понял, что лучше бы сделал это еще до свадьбы или вообще никогда не делал. Отец Марины оказался уголовником-рецидивистом, который переехал из Зугдиди в Ткуарчал после очередной отсидки. Как говорят, погнался за длинным рублем. Работал в карьере, пока не выгнали за воровство и пьянку, а потом сколотил банду и занялся грабежами в окрестных селах. Сожительствовал с русской женщиной – содержательницей притона для пьяниц и наркоманов. Вот она-то и родила ему дочь, то есть мою будущую жену Марину. Позже этого рецидивиста нашли убитым в окрестностях города, а его сожительница быстро спилась и однажды зимой замерзла пьяная на улице. Марину воспитали родственники, которые и записали себя ее родителями. Вот и получается, что смерть первого мужа и вторая беременность спровоцировали у Марины этот наследственный кризис. Сразу тебе скажу: я до сих пор ничего не знаю о том, как сложилась ее жизнь. Однажды Марина ушла из дома и больше не вернулась. Честно говоря, я толком ее и не искал. А случилось это сразу после развала Советского Союза. В Абхазии с новой силой вспыхнуло национально-освободительное движение и люди разделились на патриотов, изгоев, беженцев, предателей. Наша семья тоже попала в поле зрения радикально настроенных националистов. Поэтому я и решил, что для Марины будет лучше, если ее вообще не будут искать. Но все равно продолжал ждать и надеяться, что она когда-нибудь вернется. Ведь Даур всегда был для нее самым дорогим человеком в жизни. Извини, Сергей, что так много говорю. Мне в последнее время вообще не с кем разговаривать.

– Ничего, Баграт, я не тороплюсь. И мне интересно.

– О своей жизни я уже все рассказал. Потому что с момента исчезновения Марины и до сегодняшнего дня все события укладываются в одно короткое, емкое и страшное слово: «Война». Хоть и прошло уже почти двадцать лет, но воевать мы не перестали. Не хочу, и не стану много рассказывать о самой войне. Ограничусь лишь одной фразой: слава Богу, пережили! Даур и Ламара окончили школу и, как я уже сказал, дочка решила пойти по моим стопам. Даур не захотел дальше учиться и пошел работать на шахту. У нас с ним изначально сложились непростые отношения, поэтому Даур не пожелал оставаться со мной в одной квартире. Сначала жил у друга, а позже получил комнату в шахтерской «малосемейке». Ламарочка в это

время училась в Сухуме и жила там же в общежитии. А в прошлом году влюбилась в русского парня по имени Андрей. Он был гражданским летчиком и приехал в Абхазию в командировку помогать восстанавливать разрушенный аэропорт Бабушара. Прошлым летом дочка привозила его в Ткуарчал. Познакомила со мной и сказала, что они решили жить вместе. А я не возражал. Но спустя несколько месяцев все резко изменилось. Вернее сказать, изменилось поведение Андрея. Ламара мне тогда звонила, плакала. Говорила, что с Андреем что-то непонятное происходит. Замкнулся в себе, стал намекать, что им лучше не встречаться, а потом и вовсе пропал. Его коллеги тоже не знали, где он, поэтому подали заявление в милицию. А под новый год недалеко от Нового Афона в море нашли утопленника и опознали в нем Андрея. С тех пор Ламару словно подменили. Замкнулась и перестала мне звонить, а потом в университете начались проблемы. Я страшно перепугался. Думал, что из-за смерти Андрея дочь испытала сильный стресс, а на фоне этого у нее начала проявляться материнская наследственность. Решил поехать в Сухум, чтобы серьезно с ней поговорить. Ламара молча выслушала мою длинную речь, а потом посмотрела в глаза и сказала: «С моей душой все в порядке, если не считать невыносимой боли. Алкоголь и наркотики я не употребляю, но зато панически боюсь за свою жизнь. А еще больше боюсь за тебя и Даура. То, что произошло с Андреем, это не самоубийство и не несчастный случай. Перед смертью он мне кое-что рассказал, но тебе я этого не скажу, и не проси. Нам всем нужно просто жить и молчать, тогда никто не пострадает». И все! Больше я ничего не добился. А потом Ламара меня выпроводила и наказала, чтобы в ближайшее время я даже не звонил. И что мне после этого было делать?

– Ехать к Аршба, – предположил я.

– Ты абсолютно прав. Я уже упомянул о войне. В этом коротком слове уместился огромный отрезок жизни. И одним из главных действующих лиц в нем был и остается Рауль Джотович. Я тебе потом поподробнее все расскажу, потому что для этого может понадобиться целый день. Моя работа в архиве с годами стала лишь прикрытием. На самом же деле мы занимаемся проблемами возрождения Абхазии.

– То есть ты представляешь серьезную организацию, и Аршба в ней играет не последнюю роль?

– Нетрудно догадаться.

– Чего уж сложного, если задействованы дипломатические каналы. Не зря же ты приехал на представительском «мерсе» с номерами первых лиц дипмиссии. Может, и обо мне уже все знаешь?

Баграт кивнул и опустил глаза.

– Прости, Сергей, что покопался в твоём досье. Ситуация уж больно серьезная. Поэтому знаю, что ты полковник милиции в отставке и знаю, чем сейчас занимаешься. А еще, что давно женат и у тебя двое взрослых детей.

– Вот и нечего извиняться. Мы только сэкономили кучу времени и тебе не придется выпрашивать, как сложилась моя жизнь. Да мне и скрывать-то нечего. Но все же расскажи, что случилось с Ламарой.

Он снова сник и в очередной раз потянулся за сигаретой. Я же стал корить себя за нетерпение, но Кравченко это понял и жестом показал, что все в порядке. Потом вздохнул и продолжил рассказ:

– Аршба долго ругался, узнав о проблемах дочери и гибели ее парня. Потом отправил меня домой, а вслед прокричал: «Заройся в своем архиве, и чтобы писка не было слышно. Сиди и жди». А через два дня прислал за мной машину. Меня отвезли в Очамчыру в одно пригородное кафе. Рауль Джотович там обедал с двумя незнакомыми парнями – по виду русскими. Он попросил повторить рассказ, а при этом даже не представил меня своим гостям. Я понял, что так было нужно для безопасности, поэтому без лишних вопросов подробно все пересказал. Один из парней потом сказал, обращаясь к Аршба: «Все ясно, дядя Рауль. Мы сразу нач-

нем действовать». И они ушли. Аршба попросил ни о чем его не расспрашивать, пояснив, что пока все равно ничего не ясно. Сказал только, что договорился со своим родственником из университета, чтобы Ламару и еще одну ее сокурсницу отправили сюда в Киев. Здесь они должны были готовиться к защите диплома в академии управления персоналом. Несмотря на то, что Украина не признала суверенитет Абхазии, эти ВУЗы продолжают сотрудничать и наши студенты могут учиться в Киеве. В общем, все произошло настолько быстро, что я даже не успел приехать в Сухум, чтобы проводить дочь. Ламара позвонила уже с вокзала и сказала, чтобы я не волновался. Поездом они доехали до Москвы, а оттуда самолетом прилетели в Киев. Последний раз она позвонила из аэропорта и сказала, что только приземлились. Больше никаких известий от нее не было. А на следующий день Аршба неожиданно прислал за мной машину и меня без объяснений повезли через российскую границу в Адлер. Уже там Рауль Джотович позвонил и сообщил, что Ламара погибла. Рассказал, что по дороге из аэропорта автобус попал в аварию. Что было дальше, я с трудом припоминаю. Хорошо, что люди Аршба были рядом. Они просто занесли меня в самолет. Я долетел до Москвы, а потом какие-то люди пересадили меня на самолет до Киева. В «Борисполе» меня тоже встретили друзья Аршба из грузинского посольства и сразу отвезли к следователю, который ведет это дело. А позже поселили в гостиницу и помогли тебя разыскать. Не знаю, что бы я делал без их помощи...

– Давай кое-что уточним, – остановил я рассказчика. – А то мне сложновато вникать в этот международный пасьянс. Из Абхазии ты пробирался в Украину через Россию, а в Киеве тебя опекают грузинские дипломаты. Вот это меня и насторожило. Ведь Грузия ввела в уголовный кодекс статью за пересечение российско-абхазской границы. Грузины считают Абхазию своей территорией, только временно оккупированной. И вдруг тебе помогают.

– Ты неплохо осведомлен. Но если я буду останавливаться на всех подробностях, то нам в этом кафе придется пообедать и поужинать. Я же сказал – друзья Аршба. И не будем на этом останавливаться, а то в полдень мне нужно быть на опознании, а до этого еще успеть попасть в посольство. Сейчас там занимаются оформлением документов для перевозки тел в Абхазию. Как видишь, если бы не Аршба, то я не знаю, как бы смог со всем управиться. Я ведь до этого в Киеве был всего лишь раз. Приезжал на несколько дней, когда у вас была революция в 2004 году. И вот пришлось приехать снова. Никого здесь не знаю, но по дороге из аэропорта меня будто молнией шарахнуло. Вдруг вспомнилось твое последнее письмо. Ты написал, что живешь и работаешь в Киеве. Вот и появилась потребность тебя разыскать. Только не подумай, что мне что-то нужно...

– Ты правильно поступил. Буду рад помочь всем, чем смогу.

– Ничего мне не надо кроме сопереживания и поддержки, – Баграт задумался, а потом добавил. – Хотя, может, ты и прав. Я многого пока не знаю, но кое о чем догадываюсь. Наверное, и у тебя уже появились догадки. Вот только не хотелось бы втягивать тебя...

– Постой, а это не та самая авария на Бориспольском шоссе? – припомнил я сюжет из позавчерашних теленовостей. – Там бензовоз протаранил несколько машин, а потом был взрыв и сильный пожар.

Он молча закивал и потупился. Глаза в очередной раз наполнились слезами, а выражение лица стало таким, будто жизнелюбивому горцу сообщили, что он зря прожил жизнь. Я же не знал, о чем еще можно было спросить старинного друга без его личной на то инициативы. Подумал и попробовал сменить тему:

– Ты сказал, что был в Киеве во время революции. По делам приезжал или перенимал опыт революционной борьбы?

– Перенимал, – подтвердил он. – Аршба отправил в командировку и наказал убедиться, что происходит в Киеве на самом деле. Мы ведь только догадывались, но не могли сопоставить многие факты. Целостная картина событий не складывалась. Потому что российские телека-

налы показывали и комментировали события по-своему, а на грузинских – все происходящее преподносилось совсем не так. А в Абхазии все смотрят только российское телевидение.

– Да уж, насмотрелся и я. В те дни довелось быть в России по делам и созерцать по телеку этот черный пиар с антиукраинской пропагандой.

– Значит, ты в курсе и понимаешь, из-за чего у нас картинка не складывалась. Я не знаю, насколько ты близок к политике и не догадываюсь о твоих предпочтениях, но вижу, что с принципами информационной войны ты знаком. Поэтому могу лишь рассказать, какие эмоции я испытывал, оказавшись на вашем Майдане. Я бродил тогда у заснеженных палаток и плакал. То были слезы радости и горя одновременно. Радовался и гордился, что ваш народ перестал бояться, а горевал из-за того, насколько нам, абхазам, далеко до украинцев. А ко всему безмерно уважал вашу власть, хоть вы и вышли против нее. Потому что этот народный порыв не раздавили танками и не утопили в крови, как это случилось в Абхазии. Поэтому я бы поставил памятники всем вашим президентам и политикам, как мудрым и миролюбивым людям, которые не допустили кровопролития и геноцида.

– Так уж и всем?

– Всем без исключения. За то, что у вас в стране мир и за то, что ваши руководители учатся общаться друг с другом и с людьми без применения грубой силы и уничтожения инакомыслящих. На мой взгляд, это и есть мудрость правителей. То есть, когда люди по-разному думают, но при этом уважают точку зрения того, кто думает иначе. В таком случае нет места лозунгу «кто не с нами, тот против нас».

– Главное, чтобы это не было элементарным заискиванием со стороны властей. По моему, наши властители решили потянуть время, чтобы подготовить карт-бланш. И похоже, что все возвращается на круги своя.

– Зато в мозгах у людей произошел прорыв. После этого они уже не будут прежними. Не переживай – у вас все получится.

– Время покажет. Но давай все же вернемся к этой злосчастной аварии. Похоже, что тебя многое настораживает. Не зря же ты поведал мне предысторию о гибели российского летчика, жениха твоей дочери. Что говорит следователь?

Баграт немного оживился и, прищурившись, погрозил мне пальцем.

– Все-то ты замечаешь. Чувствуется милицейская хватка. А что говорит следователь? Сочувствует и всячески желает помочь. Только чем? А вообще-то он толковый парень. Всю картину происшествия детально рассказал и схему показывал с фотографиями. Пообещал, что после опознания и получения посольских документов подготовит к завтрашнему дню разрешение на перевозку тел в Абхазию. Я ведь повезу домой два тела. У второй погибшей девочки никого из родственников в живых не осталось после войны. В Абхазии это не редкость. Вот поэтому я имею право так говорить о ваших правителях. Короче, у следователя вопросов и сомнений практически нет.

– Что значит практически?

– А то, что вся картина происшествия и причина, по которой оно произошло – налицо. Есть только некоторые шероховатости. Только давай я расскажу по порядку? Думаю, что нестыковки ты сам заметишь.

– Тогда начинай с момента приземления в аэропорту. Их же кто-то встречал?

– Конечно. Представитель академии. Он же был и водителем микроавтобуса. Тот день был выходным, поэтому ему поручили встретить и поселить девочек в общежитие. Это где-то в районе Дарины.

– Может, Дарницы?

– Точно, Дарницы. Я же говорю, что Киева совсем не знаю. В общем, встретил и повез их в Дарницу. А на въезде в город есть транспортная развязка. Там водителю нужно было уйти вправо, поэтому он заранее начал перестраиваться в правый ряд. Но оказалось, что в этом

ряду прямо у обочины кто-то поставил грузовую «газель». Дальше я буду рассказывать со слов следователя и по той схеме, что он показал. Свидетели аварии пояснили, что микроавтобус попытался перестроиться в соседний левый ряд, чтобы как-то объехать эту «газель», но в этом ряду параллельно ехала другая машина, из-за которой он не смог перестроиться. То есть по правилам микроавтобус должен был уступить дорогу этой машине. Опять же со слов свидетелей водитель включил сигнал поворота и стал снижать скорость. Ожидал, пока машина в левом ряду проедет вперед, но водитель той машины тоже стал притормаживать, потому что впереди был перекресток. Из-за этого микроавтобус все снижал и снижал скорость, пока не остановился в нескольких метрах от стоявшей перед ним «газели». В это самое время его и протаранил сзади бензовоз. В тот день из-за тумана была плохая видимость и шел мокрый снег. Как считают свидетели и сам следователь, водитель бензовоза сначала отвлекся и не заметил, что микроавтобус остановился, а потом просто не успел затормозить. Это видно по фотографиям, где колеса бензовоза почти не оставили тормозного пути. В общем, произошел мощнейший удар, а потом и взрыв. Бензовоз оказался груженный топливом под завязку, из-за чего микроавтобус и брошенная «газель» сгорели в считанные минуты.

– А откуда она там взялась, и где был водитель?

– Вот и первый настораживающий момент, – подтвердил Баграт. – Оказалось, что накануне ночью эту «газель» угнали из соседней деревни, а позже бросили. Может, бензин закончился? Разве теперь узнаешь? «Газель» выгорела дотла, но внутри никого не обнаружили. А следователь отнес все это к чистой случайности.

– А что с той машиной, из-за которой микроавтобус не смог перестроиться в левый ряд? Она ведь тоже оказалась в зоне взрыва. Люди не пострадали?

Баграт снова жестом выразил удовлетворение:

– Молодец – засек вторую нестыковку. По идее, должны были пострадать, но все обошлось. Следователя они убедили, но он все равно собирается провести следственный эксперимент. Значит, тоже сомневается. Но водитель той машины клянется, будто жена, сидевшая рядом, вовремя заметила несущийся сзади бензовоз и подняла крик. Поэтому он моментально сориентировался и резко прибавил скорость. Так и успел выехать из эпицентра взрыва.

– Завидная реакция. Но эксперимент все же нужен. Уж больно неправдоподобно звучат объяснения. Что, и повреждений на машине нет?

– Абсолютно. Зато остальные машины сгорели, – потупившись, ответил Баграт. – Погиб и сам водитель бензовоза. Из-за этого свидетельских показаний очень мало, а очевидцев аварии вообще нет. Короче говоря, и по схеме, и по показаниям свидетелей все сходится. А нестыковки вряд ли могут повлиять на целостность события. Но они здорово меня напрягают.

Он замолчал и, нахмурившись, отвернулся к окну. Непримируемый горец пытался совладать с собой: глаза были прикрыты, а по щетинистым щекам перекатывались желваки. Немного успокоившись, он стал задавать вопросы, обращаясь, казалось, к самому себе:

– А что я могу рассказать следователю? О загадочной смерти летчика Андрея? Или о том, что Ламара из-за этого перестала радоваться жизни? О том, что боялась чего-то? Кому здесь в Киеве нужны наши кавказские разборки? Следователь скажет, что все это напрямую никак не связано с аварией.

– Наверное, ты прав. Если все произошло именно так, то уголовное дело будет прекращено. Потому что виновник аварии погиб и вина его очевидна. Вот только никому от этого не легче. А нестыковки с «газелью» и машиной свидетелей никак не влияют на ход самого происшествия.

– А теперь смотри, – Баграт воспроизвел на столе схему аварии с помощью двух пачек сигарет и пепельницы. – Предположим, что брошенная «газель», бензовоз и машина свидетелей – составляющие одной тщательно подготовленной акции. То есть это машины бандитов,

которые подстроили и инсценировали аварию. Они специально создали на дороге такие условия, чтобы водитель микроавтобуса остановился перед «газелью».

– А машина свидетелей умышленно ехала параллельно в соседнем ряду, – продолжил я. – Чтобы в нужный момент помешать микроавтобусу объехать «газель».

– «Коробочка», – криво усмехнувшись, подытожил Кравченко. – Если не ошибаюсь, то именно так называется этот прием. А тем временем сзади уже разогнал бензовоз, и водитель только симитировал, будто пытается тормозить. В общем, я думаю, что все было спланировано. Что скажешь?

– Вполне реально. Только получается, что за рулем бензовоза сидел камикадзе. По-твоему, они привлекли для этой акции самоубийцу?

– А может, он просто не рассчитал? Или его тоже подставили? С тормозами что-то сделали, – настаивал Баграт, но все же согласился. – Да уж. Не совсем вписывается в мою версию.

– Кто знает? Давай теперь разберемся с машиной свидетелей. Как я понял, эти люди выступают главными и единственными свидетелями аварии.

– По их показаниям и составлена схема.

– А что за машина?

– «Шкода октавия». Ее владелец встречал в аэропорту жену, а сами они живут в Запорожье. Жена возвращалась после отдыха в Египте.

– Это со слов или уже проверили?

– Да там вроде бы все чисто, – отмахнулся Баграт. – Билеты проверили. Даже талончик с парковки у мужа сохранился. По времени все сходится и на видеокамерах видно. Следовательно проверял. Только я все равно сомневаюсь.

– Если принять во внимание твою версию, то небеспочвенно. Хотя масштабы подготовки впечатляют. Но я другого не могу понять: зачем этой парочке из «шкоды» возвращаться в Запорожье по Бориспольскому шоссе? К чему им было ехать через весь Киев, если есть прямая дорога через Переяслав-Хмельницкий?

– Следовательно тоже об этом спрашивал, а водитель объяснил, что ему нужно было заехать на авторынок. Да и жена не возражала – хотела полюбоваться столицей. В общем, следователя они убедили.

– Если бы я вел следствие и прислушался к твоей версии о «коробочке», то обязательно бы затребовал списки из египетского отеля, где отдыхала эта женщина из Запорожья. А еще показал ее фотографию стюардессам.

– Это уже сделали грузинские дипломаты. Они связались с египетским отелем в Шарм-эль-Шейхе и все проверили. Ее показания полностью подтвердились, правда, есть одно «но». Вела она себя на курорте довольно странно. Об этом рассказал представитель туристического агентства. Сначала все было нормально, а потом неожиданно засобиралась домой. Настояла, чтобы ее срочно отправили в Киев – именно в этот день и только этим рейсом.

– И как она это объяснила?

– Семейными обстоятельствами. Сказала, что возникли проблемы с мужем, и что, мол, это могло закончиться разводом.

– А следователю почему не рассказала?

– Не знаю. Может потому что не спрашивал. Мне же об этом только сегодня сообщили, а подтверждающие документы пришлют позже дипломатической почтой. Я пока не решил, что с этим делать. Стоит ли усложнять работу следователю? Ламарочку уже не вернуть.

Мне нечего было ответить. Предполагал, что, несмотря на профессионализм и порядочность, следователь вряд ли захочет в этом разбираться. Отнесет несговорчивость Кравченко к его душевному состоянию и поспешит закончить расследование. По-видимому, столь резонансное дело сразу поставили на контроль в МВД и прокуратуре, поэтому будут его торопить.

А женщина из Запорожья может легко объясниться. Скажет, что пока летела в Киев, неприятности в семье сами по себе рассосались, поэтому и не сочла нужным об этом говорить.

Попытался подобрать слова, чтобы объяснить все это Баграту, но он меня опередил. Разливая по фужерам вино, заверил:

– Можешь не волноваться – с головой у меня все нормально. Я адекватно мыслю и пытаюсь рассуждать здраво. Горе ужасное и непоправимое, но на этом жизнь не заканчивается. Еще многое хочу успеть сделать. И понимаю, что все следы ведут в Абхазию, поэтому в Киеве никто не станет обращать внимание на мои полубредовые гипотезы. Не буду ничего говорить следователю и сам попытаюсь разобраться.

– Ну а если ты прав? Тогда частное расследование может оказаться весьма опасным.

– Ну и пусть. Устал бояться.

– Тогда с твоего разрешения я аккуратно поинтересуюсь ходом расследования. И еще: есть люди, которым твои гипотезы не покажутся бредовыми.

Он молча кивнул и потянулся к фужеру.

– Давай помянем мою Ламарочку. Пусть земля ей будет пухом.

Не чокаясь, мы выпили. Причем Баграт залпом осушил свой бокал, а я лишь пригубил, помня о том, что впоследствии придется садиться за руль. После минутной паузы он заговорил:

– Не хотелось впутывать тебя в эту историю. Но с другой стороны, мне было бы глупо отказываться от любой помощи. Только прошу не рисковать ради меня – я этого не заслуживаю.

– Подобный тон мне уже не нравится. Ты же меня пригласил не для того, чтобы просить о помощи, а нестыковки меня самого здорово заинтересовали. Тем более, если учитывать события в Абхазии. Постараюсь по-тихому навести справки, а если подымится встречная волна, то это и станет подтверждением твоей правоты. Ты где остановился в Киеве?

– Меня поселили в гостинице «Русь». Номер 27 на 12-м этаже, – ответил Баграт и посмотрел на часы. – Пора идти в посольство. Потом меня повезут на опознание, а вечером назначена встреча с представителями местной абхазской общины. Они пообещали, что пригласят какого-то влиятельного господина – Иваном Ивановичем зовут. По словам земляков, он легко разрешает любые проблемы. А встречу в землячестве, как ты уже догадался, организовали грузины с подачи Аршба. Все стараются мне как-то помочь. Вот и ты...

Он замолчал и, поднявшись, направился к барной стойке. Там расплатился и подождал меня возле выхода. На улице мы обменялись номерами мобильных телефонов, после чего я вызвался проводить Баграта до посольства.

Должен признаться, что чувствовал себя промозгло и неуютно. И не столько из-за раскисшей погоды, сколько от сопереживания и мрачных мыслей.

– Давай созвонимся завтра утром, – предложил Кравченко, остановившись у порога дипмиссии. – К тому времени я уже буду знать, когда полечу домой. Может, и ты что-нибудь узнаешь.

На прощанье мы обнялись. Но, поднявшись на крыльцо, он вдруг развернулся и сбежал вниз по ступеням.

– Если со мной что-нибудь случится, то знай, что я не вынашиваю намерений распрощаться с жизнью, – заявил, глядя мне в глаза. – И здоровье у меня в полном порядке. Всякие там инфаркты и сердечные приступы исключаются, потому что Бог этого не допустит. И еще: мне очень важно, чтобы ты это знал. До встречи не хотел говорить, но теперь понял, что должен признаться, – он ухватил меня за плечи и выпалил скороговоркой. – В армии я был стукачом у замполита. Можешь меня за это ненавидеть, но я никогда не желал тебе зла. А дружеские отношения разорвал для твоего же блага. Почувствовал, что Аршба что-то замышляет. Только спустя годы я понял, что Рауль Джотович совсем не такой, каким мы его себе представляли. Подумай, ведь он знал обо всем! В том числе и о твоей самоволке в Ткуарчал. И все равно никакого зла тебе не причинил. Ведь правда? А после твоего отъезда он мне однажды сказал:

«Я многое для себя почерпнул, наблюдая за вашей дружбой. Этот десантник мне определенно нравится». Так что прости меня, если сможешь. Если нет, то не звони...

Он отстранился и, взбежав по лестнице, скрылся за дверью. Я же остался стоять на месте в состоянии отрешенного ступора.

«Вот это номер!», – пробурчал вполголоса и «на автомате» побрел прочь.

Постепенно приходил в себя, направляясь к машине, оставленной с утра возле супермаркета «Сельпо». Мысли все еще путались в отяжелевшей голове, будто перелистывались странички воспоминаний с правками на полях после сегодняшней беседы. И все же известие о том, что гордый и принципиальный Кравченко оказался надежно законспирированным сексотом³ Аршба, не вызвало осуждения.

«Другое дело – сам замполит, – размышлял я, усаживаясь в машину. – Ох и непростой оказался мужик. Бесспорно, Баграт еще многого не рассказал, но это поправимо. Понятно, что помощь, которую Аршба оказывал его семье, бесценна. Но что он рассчитывал получить взамен? Слепую преданность Баграта или разумное повиновение? Скорее, преданность и потребность в покровительстве. Вообще-то кавказский менталитет весьма специфичен, и поверхностно судить об отношениях между горцами – дело, обреченное на провал. Конечно, сейчас можно занять категоричную позицию с добавлением совковой идеологии и заявить: «Что это за дружба такая? Один человек искренен и честен, а другой работает на два фронта. Тихонько сливает под шумок информацию третьему лицу, от которого в чем-то зависим. Это же форменное предательство!». А с другой стороны: как лично я претерпел от этого? Да никак. Разве что было задето юношеское самолюбие после того двухчасового разговора и попытки меня завербовать. Зато сейчас могу совсем по-иному трактовать скрытый смысл той беседы и назвать ее профессионально обыгранной проверкой на вшивость. Вот почему Рауль Джотович не сделал того, чем пугал. Нет, надо притормозить с выводами, пока не узнаю всех подробностей».

Дождаясь, пока прогреется двигатель, я набрал телефонный номер еще одного старинного друга и быстро договорился о встрече. Потом неспешно тронул машину с места, не в пример мыслительному процессу, который после этого лишь ускорился:

«А ведь с аварией далеко не все гладко. Хотя, на первый взгляд, «прикопаться» не к чему, если, конечно, не знать всей предыстории. А именно: загадочных событий, произошедших накануне в Абхазии. А так – вполне объяснимая масштабная авария с трагическими последствиями из-за ряда нарушений ПДД, допущенных водителем бензовоза. Только вот показания свидетелей почему-то настораживают, как и само поведение супругов из «шкоды». С тем, что водителю удалось быстро среагировать и выехать из радиуса взрыва, еще можно согласиться. Но как при таких обстоятельствах обоим удалось рассмотреть и в тонкостях описать всю картину происшествия? Вопросов больше, чем ответов. А если это действительно спецоперация? В таком случае, ее тщательно спланировали и профессионально провели. Тогда кто? Ох, как не хочется в это верить! И в первую очередь из-за того, что поиски истины в подобных случаях, как правило, заканчиваются еще большими неприятностями. Проще говоря, можно натолкнуться на нечто гораздо более мерзкое и далекое от понятия человечности. Встретиться лицом к лицу с тем, что превращает отношения между людьми в кромешный хаос. А мотивация всегда одна: жажда власти, угнетения и манипуляций с тягой к несметным богатствам и привилегиям».

2 марта (11 часов 35 минут)

Безрадостно шевелил извилинами и намеревался проехать в район Татарки таким образом, чтобы не завязнуть в транспортном заторе. Но тщетно: машина не ехала, а едва ползла на второй передаче в бесконечном потоке легковушек и неповоротливых фур.

³ Сексот – сокращение, старый оперативный сленг – секретный сотрудник.

А на Татарке, у заснеженных склонов древних Щекавицы и Юрковицы, располагался главный офис управления ГАИ МВД Украины.

Как выражался покойный генерал Брут: «Бездорожное ведомство создано для того, чтобы выводить меня из себя, но иногда его представители могут нам очень даже сгодиться». Что и натолкнуло меня на мысль созвониться с одним из руководителей этого уважаемого учреждения, который, к счастью, оказался на месте.

Полковник Рудь несказанно обрадовался звонку и жаждал немедленной встречи с давним приятелем и бывшим сослуживцем. А с порога просто набросился на меня и запричитал:

– Товарищ Кучер, друг сердешный! А как помолодел да похорошел за пределами внутренних органов! – Потом широким жестом указал на кресло в углу кабинета. – Располагайся, отдыхай. Сто лет тебя не видел. Небось, зазнался на вольных хлебах и о друзьях вспоминаешь только тогда, когда от них что-нибудь нужно. Ведь так?

– Каюсь, Юрий Данилыч, – отвесил ему поклон, устроился в удобном кресле и, иронически прищурившись, пожаловался. – Я ведь думал, что на пенсии люди отдыхают и по миру путешествуют. А вышло, как в том мультике: только теперь по-настоящему жить начал, когда на пенсии пришлось к труду привыкать. Так что извиняй, Юра – работы непочатый край.

– Можешь не оправдываться, – отмахнулся полковник, занимая руководящее место. – Шас кофейку попьем.

– Да я не за этим...

– Сиди и помалкивай, раз пришел, – прикрикнул и гневно покосился на еще советских времен телефонный коммутатор. – Ну, где же это Людка запропастилась?

И тут же из динамика послышался приятный женский голос:

– Слушаю, Юрий Данилович.

Округлив глаза, полковник сделал вид, будто закашлялся. Потом наклонился к пульта и заискивающе пролепетал:

– Людочка, золотце, принеси нам два кофе. Только «сажу»,⁴ пожалуйста, не замешивай. Свари нормальный – импортный. Благодарю за понимание.

Я заметил, что Рудь значительно прибавил в весе с тех пор, как мы не виделись. А некогда ретивые рыжие вихры, вечно торчавшие на крупной голове в разные стороны, стали лилово-белыми. Одутловатое лицо цвета пергамента казалось усталым и болезненным. Как говорится, синдром руководящего лица – на лице.

Немного скрашивали портрет бесчисленные регалии на просторной серо-голубой рубашке нового образца – орденские планки, эмблемы и шевроны, которые раньше носили на кителях. По периметру накрахмаленного воротничка – расшитые вензеля с листиками и завитушками, а на форменном галстуке красовалась эмблема с позолоченным тризубом.

Даже захотелось отпустить по этому поводу незлую шутку, но Юра вовремя перехватил мой изучающий взгляд и, опережая резюме, заключил:

– Знаю, что постарел и разожрался, как боров. Самому противно. А ты думал, что руководящее кресло медом намазано? Как бы не так! Все нервы с гландами проорал, отсюда и безудержный аппетит. Доктора грозятся списать по здоровью, но побаиваются. Они ведь тоже на машинах ездят.

– Врачей и гаишников надо беречь – они иногда помогают. А по жиру и ранжиру мы с тобой одинаковые. Хотя по нервам, наверное, разные. И я же не фигуру твою разглядывал, а модный ментовский прикид. Нечего сказать – впечатляет! А кто дизайнер, не знаешь?

Рудь покосился на свой погон и желчно заметил:

– Знал бы этого «додика»⁵ – лишил бы прав до конца жизни. А фотку его налепил бы на чучело в спортзале, чтобы приемы рукопашного боя на нем отрабатывать. Ты бы еще фуражку видел – аэродром, да и только. В советские времена даже генералы не позволяли себе такие сомбреро носить. Я уже не помню, кто сказал, что уровень развития государства обратно пропорционален количеству знаков отличия на форменной одежде высших чинов армии и полиции. Так что осталось навесить аксельбанты на нижнее белье и приколоть к фуражкам павлиньи перья. А еще – шпоры прицепить на сандалии. Обзавидуются даже в Зимбабве.

Юра неожиданно замолчал и вскинул руки, указывая на стены кабинета. Потом оттопырил пальцами оба уха, а напоследок прикрыл ладонями рот. После чего уставился на фотографию президента, висевшую в рамке на стене, и, дурачась, выкрикнул мультяшным голосом:

– У нас самая красивая форма! Благополучие народа растет на глазах. Зарплата не помещается в карманах. Слава мудрым руководителям! Ура!

Я же нахохотался до слез. Данилыч и раньше любил покуражиться, но подобной выходки от солидного руководителя я, признаться, не ожидал.

Наверное, нужно сделать отступление и рассказать, почему Юрий Данилович упомянул именно Зимбабве. Ведь мы познакомились и сдружились еще в советские времена, а жители далекой африканской страны сыграли в этом не последнюю роль.

* * *

Май 1983 года.

⁴ Сажу – сленг – растворимый кофе.

⁵ Додик – жаргонизм, презрительное – хилый ничем не примечательный человек.

Еще будучи зеленым лейтенантом, я неожиданно-негаданно получил ответственную должность. Неизвестно за какие заслуги был назначен руководителем оперативной группы интуристовского комплекса «Киевская Русь», а старшина Рудь тогда служил в районном отделе ГАИ и был прикомандирован к нашей группе в качестве госавтоинспектора.

Я хоть и был молодым лейтенантом, но должность главного милиционера одной из трех «валютных» гостиниц Киева поднимала мой статус выше руководящего персонала гостиничного комплекса. Если сказать проще, а лучше честно, то с правоохранителями просто боялись связываться. Посему мы питались исключительно в ресторанах гостиничного комплекса, а кроме того, по первому требованию нам предоставлялся любой свободный номер. Тогда и случилась эта неправдоподобная история.

В состав группы вместе с аттестованными милиционерами входили и внештатные сотрудники. Для несведущих следует пояснить, что внештатный сотрудник милиции – это человек, который спит и видит себя милиционером, но по каким-то причинам не может быть принят в ряды доблестных правоохранителей.

Внештатники оказывали нам ощутимую помощь, чаще всего выступая в роли свидетелей на тот случай, если нужно было подкрепить законность действий работников милиции в спорных ситуациях.

И вот однажды с одним из таких внештатников я дежурил в гостинице. Вечером мы отправились с ним в рейд по злачным местам, чтобы удостовериться в должном соблюдении правопорядка на обслуживаемой территории. Заодно определились и с ужином.

Внештатник Коля Исаченко слыл правоохранителем до мозга костей. Тогда он еще учился в институте, а после окончания военной кафедры и защиты диплома планировал влиться в ряды киевских сыщиков. По тактико-техническим характеристикам Колян подходил для этой работы просто идеально. Рост – метр девяносто, атлетическое телосложение, а кроме того, завидная сообразительность, чувство юмора, развитый интеллект и эстетический вкус. При таких данных и разумном рвении его мечта, конечно же, сбылась. И хоть не сразу Исаченко стал сыщиком, зато после окончания института его назначили одним из первых командиров киевского ОМОНа, созданного в конце восьмидесятых годов. Уже потом Коля долгое время работал в оперативных службах и вышел в отставку почти одновременно со мной, дослужившись до полковничьих погон.

Но вернемся к ужину в ресторане. Не успели мы одолеть холодные закуски, как нарисовался старшина Рудь и объявил о своих именинах. А еще доложил, что, несмотря на широкомасштабную и всенародную борьбу с пьянством, обязан «проставиться». В результате ужин затянулся.

Его омрачила потасовка, вспыхнувшая в зале перед закрытием ресторана между советскими гражданами и темнокожими иностранцами. Естественно, мы приостановили трапезу и вмешались. Несмотря на то, что Рудь был одет по форме, а я показал удостоверение и представился, дебоширы на нас никак не отреагировали. А официанты поспешили объяснить, что виноваты в потасовке наши соотечественники, которые якобы нелестно высказывались в адрес иностранцев, упомянув цвет их кожи.

В ответ взбуревшие африканцы повели себя нагло и вызывающе. После нашего вмешательства они обругали представителей власти нашими же матерными словами и продолжили избивать обидчиков, бросаясь в них и в нас стульями и всем, что попадалось под руку.

Тогда еще не было ОМОНа или «Беркута», поэтому пришлось полагаться только на свои силы. В общем, заваруха получилась неслабая!

Пострадали полдюжины столов и стульев, три зеркала, немислимое количество посуды, трое подвыпивших киевлян, один прыткий официант и сами африканцы. Одному даже сломали руку. Со стороны правоохранителей телесное повреждение получил лишь Колян, которому кто-то из участников драки прокусил большой палец на руке. А еще пострадали мои

новые вельветовые слаксы,⁶ сшитые на заказ. Ввиду безудержного рвения их хозяина и его непомерных геройских потуг брюки разошлись по шву на самом интересном месте.

С горем пополам, но все же нам удалось утихомирить разбушевавшихся африканцев и оттеснить их к гостиничным номерам. Порядок в гостинице был восстановлен. А на следующий день разгорелся нешуточный скандал. Оказалось, что щуплые на вид забияки с бритыми головами цвета спелых баклажанов входили в состав сборной команды Зимбабве по регби. Горячие парни прилетели в Киев для участия в чемпионате мира среди молодежных команд, а после инцидента добрая половина из них оказалась выведенной из строя. В виду чего дипломатическое представительство Зимбабве готовило ноту протеста. Дипломатов возмутили и шокировали жестокие действия многочисленного и вооруженного до зубов отряда советской милиции.

В результате нас в качестве главных головорезов вызвали для дачи объяснений в кабинет начальника киевского главка. Вернее, начальник нашего управления привел на расправу двух самых кровожадных – меня и старшину Рудя.

– А где остальные? – угрожающе взревел генерал. – Я хотел бы лицезреть всех участников этого вопиющего безобразия.

Мы молча вытянулись по струнке и замерли – гладко выбритые, в наспех отутюженной форме и с ментоловыми жвачками за щеками. А наш начальник поспешил объяснить:

– Все участники перед вами, товарищ генерал: вот эти два мушкетера. А третий – это наш внештатный сотрудник.

– Да что вы мне лапшу на уши вешаете! – неистовствовал шеф столичной милиции. – Утром ко мне пожаловали консул и тренер команды. Так вот последний утверждает, что работников милиции было, как минимум, человек тридцать. Или вы хотите меня убедить в том, что эти два неоперившихся мента и один внештатник разогнали и перекалечили команду профессиональных регбистов?

– Так точно, – гордо отчеканил наш босс.

Генерал помолчал, пристально оглядывая «мушкетеров», а потом задумчиво произнес:

– Думаю, что вы бы не осмелились мне врать. Но если их точно было трое, то буду считать своим долгом замять этот конфликт. Идите, работайте.

Генерал сказал – генерал сделал. Ведь мы явились к нему не с пустыми руками. В предчувствии скандала умудрились до утра опросить полсотни человек из числа посетителей ресторана, работников гостиницы, поваров и швейцаров. Они, естественно, в один голос заявили, что африканские спортсмены вели себя нагло, вызывая и сами затеяли драку. Параллельно показания переводились на английский язык там же в гостинице, поэтому на стол генералу были положены два увесистых «тома» с документами, в каждом из которых насчитывалось не меньше двух сотен страниц. Туда мы вложили все: показания, акты о причиненном ущербе, фотографии и многие другие бумажки, характеризующие негативное поведение несчастных регбистов. И понятно, что столь титаническая работа была проведена в кратчайшие сроки только лишь благодаря неумной молодости и страху перед наказанием.

На следующий день нас с Рудем пригласили в кабинет начальника уже нашего управления. Там консул Зимбабве и тренер команды долго листали собранные материалы, в итоге консул молча пожал всем присутствующим руки и что-то выкрикнул на родном языке, обращаясь к тренеру. После чего гости чинно удалились.

– Если все так, как здесь написано, то вас нужно представлять к правительственным наградам, – улыбаясь, проворчал наш босс. – Только я ж вас, обалдуев, знаю. Складно отмазались. И не верю, что вас всего трое было. Ну, да ладно – спасибо за службу и пошли вон отсюда.

⁶ Слаксы – брюки свободного покроя со складками от пояса, не имеющие стрелок.

А позже эта история стала притчей во языцех и послужила веским аргументом при оформлении внештатника Исаченко на службу в ОМОН.

* * *

2 марта 2011 года (11 часов 45 минут)

Но вернемся в кабинет полковника Рудя.

Посмеявшись над своей же выходкой, Юра признался:

– А ведь я не случайно упомянул Зимбабве. Решил проверить, как у тебя с памятью. Кстати, недавно виделся с Колькой Исаченко. Он давно на пенсии, но все такой же неугомонный. Весь в делах, как и ты. И чего вам спокойно на пенсии не живетесь? Тебе вот на кой ляд копаться в этой аварии? Или ты кого-то из погибших знал лично?

– Одна из девушек – дочь моего армейского друга из Абхазии. Кравченко Ламара.

– Да, я помню по сводке. Обратил внимание на украинскую фамилию, – он развернул ко мне экран монитора. – Можешь почитать итоговую справку для министерства. Еще вчера затребовали. Дело-то на контроле. А все материалы уже в следственном управлении. Все-таки иностранцы погибли. Так что же тебя интересует?

– Видишь ли, Юра, – склонившись к экрану, я приложил палец к губам и обвел глазами стены кабинета.

– Да прекрати, – отмахнулся он. – Я ж пошутил. Кабинет чистый – вчера только проверяли.

– Но все-таки проверяли?

Рудь внимательно посмотрел на меня и, опустив глаза, признался:

– Копают, нехристи. Хотят спровадить меня на пенсию, чтоб молодым расчистить дорогу. Но ты зубы мне не заговаривай. Говори, чего приперся.

– Отец Ламары не верит, что это случайная авария. Ей предшествовали некоторые события в Абхазии. У этой Ламары при странных обстоятельствах погиб парень, а позже и она стала опасаться и за свою жизнь. Из-за этого ее вывезли из Абхазии. И вот чем закончилось.

– Прям детективный триллер, – проворчал Юра. – То есть ты хочешь сказать, что какие-то заезжие бандюки или иностранные спецслужбы провели у нас под носом масштабную спецоперацию? Сам-то хоть в это веришь?

– Не знаю. Но если брать во внимание все обстоятельства, то версия вполне правдоподобная.

– Да ну, – бред. Вряд ли такое возможно.

– А ты забудь все, что я тебе рассказал о событиях в Абхазии и ответь, как специалист: ничего в самой аварии лично тебя не настораживает?

– Настораживает. «Газель». Уж больно странно этот угон совпал с ДТП.

– А если и это не брать во внимание?

Полковник пожал плечами и стал перечитывать справку. Потом нахмурился и вдавил одну из кнопок в коммутатор. Ему тут же ответил молодежавый баритон:

– Слушаю, Юрий Данилович.

– Вам давались сутки на полную проверку сторевавшего бензовоза. Почему до сих пор я не подписывал представления на имя владельца автохозяйства?

В динамике послышался шелест бумаги, после чего прозвучал доклад:

– Все исполнено в срок, а представление подписал начальник департамента. Вас тогда не было на месте. Простите, что не успел сообщить.

– Так я сейчас вас слушаю.

– Грубых нарушений не выявлено. Обычные недоделки, как и в других автохозяйствах. Бензовоз был исправен, о чем имеется соответствующий акт, а у погибшего водителя соответствующий стаж работы. Оформлен по всем правилам. Вот только нет характеристики с его прежнего места работы. Обещали сегодня...

– А это тебе зачем?

– Дело в том, что водитель только два дня как устроился. Вот я и решил узнать, как он в целом характеризуется.

– Спасибо. Отбой, – сбросив вызов, Юра заметно помрачнел. – А вот это мне уже совсем не нравится. Нового человека отправили в рейс без экспедитора. Твоя версия начинает крепчать.

– Там еще не все чисто со свидетелями, – решился подсказать. – Говорят, что ехали рядом и все видели, а машину взрывом даже не зацепило. И в Запорожье ехали окольными путями.

– Это уж пусть следователь разбирается.

– А как была угнана «газель»?

– Там тоже много вопросов. Хозяин приплелся утром в райотдел, как говорится, на рогах. Сперли, кричит, кормилицу, а от самого перегаром разит на километр. Видно, пропьянствовал всю ночь. Вот и предположили местные гаишники, что он спьяну сел за руль и поехал на Харьковский массив девочек кадрить. Потом бензин закончился, и он бросил машину. А как узнал про аварию, так и придумал историю с угоном. Хорошо еще, что не заснул в кабине.

– Надо бы розысникам подсказать, чтоб хорошенько его «покололи».

Юра заерзал в кресле, приглаживая ладонью седые вихры. Потом переклонился через стол и угрюмо заметил:

– После твоего звонка меня изжога замучила. Чувствовал, что Кучер просто так в гости не напрашивается. Не знаю, как того водилу с «газели», но меня ты, считай, расколол. Ладно, дружище, слушай. Эта авария у меня уже в печенках сидит. Министерство прохода не дает. Силком забрали все документы и слушать не хотят, что технические экспертизы будут готовы только через месяц. Короче, дана команда с самого верха, чтобы к завтрашнему дню дело было прекращено. Я попытался вставить пять копеек, так меня замминистра чуть по стенке не размазал.

– Значит, в министерство мне соваться нечего, – подытожил я.

– Тебе вообще нечего лезть в это дело! – раздухарился Рудь. – Извини, что поначалу ваньку валял, но теперь ты все знаешь. Я-то думал, что ты тоже явился отмазывать директора автохозяйства.

– Откуда такие мысли?

– Все оттуда же. Если дали команду свернуть следствие, значит, сработал обычный договорняк. Кто-то из верхушки крышует автохозяйство и получает свои откаты. Вот я и подумал, что Кучера тоже припахали в качестве ходатая. А ты явился и поведал историю о международных террористах. И что теперь прикажешь делать? Договариваться со своей совестью? И откуда ты взялся на мою голову?

– Так получилось. Я же не специально...

– Вечно у тебя «так получается», – засопел Данилыч и, хитро усмехнувшись, добавил. – Думаешь, я не знаю о ваших летних гастролях с Волощуком? Еще как наслышан! А с Александром Вадимовичем недавно пересекался в поликлинике МВД. Спросишь, чего он там забыл? Так я отвечу: чтобы ты окончательно врубился в политику партии. После того дела с Гонорием Сашку поначалу поощрили на уровне Совета безопасности, а потом на уровне МВД решили с почестями спровадить на пенсию. А перед этим и начальник его загремел туда же. А после твоего визита и я, наверное, прицепом пойду.

– Трагедии в этом не усматриваю. Без дела не останешься. Обеспечу молодого пенсионера нормальной работой.

Юра шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

– И я не усматриваю. Но до лета хочется здесь посидеть, чтобы отпуск отгулять при погодах, как положено. Веришь – устал бояться и ждать. В любой день могут вызвать и вежливо попросить написать рапорт. Но теперь точно до лета не доработаю с твоей легкой руки.

Я поднялся и, застегнув куртку, протянул ему пятерню на прощание. При этом попробовал свалить дурака.

– Раскусил ты меня, Данилыч. Я и вправду хотел попросить, чтобы твои орлы не шибко копали под директора автохозяйства. А все остальное наплел по недалекости.

– Сядь! – рявкнул полковник и, побряхтывая, выбрался из кресла. – Так просто ты не уйдешь. У меня тут в шкафчике коньячок завалялся. И я все же надеюсь, что нам таки принесут кофе.

Как по волшебству в кабинет тут же вошла миловидная девушка, неся на вытянутых руках поднос с кофейным сервизом.

– Не прошло и часа, – проворчал Юра и погрозил секретарше бутылкой коньяка.

– Воды в чайнике не было, – оправдалась она. – Попросила дежурного принести, так он ледяную воду притащил. Пока закипела...

– Спасибо, Людочка. Можешь идти и никого ко мне не впускай.

Девушка удалилась, а Рудь принялся молча разливать кофе.

– Коньяк не буду, – предупредил я, подсаживаясь к столу. – Дел полно, да и за рулем. А чтобы по-людски закончить разговор, буду просить тебя не лезть в это дело. Только скажи, кто занимается экспертизами.

– Как это кто? Лаборатория Линника, – ответил полковник и плеснул немного коньяка себе в чашку. – Виктор Александрович теперь сотрудничает с антитеррористическими центрами МВД и СБУ. Все, что связано с подрывами и поджогами, исследуют у него в институте. Ты же должен знать профессора Линника?

– Недавно даже виделись. Он засветился в тех событиях, которые ты гастролями назвал.

– Да уж, шорох вы учинили неслабый, – Юра отхлебнул из чашки и блаженно прикрыл глаза. – А сколько тогда народу из высоких кабинетов разбежалось. Некоторые даже на ПМЖ на Мальдивщину слиняли. Только видишь, чем оно обернулось? Тебе в этом отношении повезло, потому что ты на пенсии. А вообще мы еще долго будем откашливать советский подход к работе с кадрами. О коррупции я вообще молчу. Эх, жаль, что Брут не дожил. Никифорыч это ДТП вмиг бы разложил по полочкам.

– Вот и не лезь. Я сам...

– Нечего мне тыл прикрывать. Я ж не вчера в менты подался. Попробую копнуть, а там – будь, что будет. Только обещай, что потом отметим это дело. В «Киевской Руси», например. Не знаешь, регбистов там сейчас нет?

2 марта (14 часов 20 минут)

И снова я сидел за рулем и тащился на второй передаче в нескончаемом потоке машин. Наконец добрался до Глубочицы и повернул на Верхний Вал, а на углу Константиновской раздался телефонный звонок. Выудив из кармана мобильник, увидел на экране радушное лицо Рудя, а когда ответил – услышал его обеспокоенный голос:

– Быстренько найди телефон-автомат или любой стационарный телефон. Позвонишь мне на городской номер, через секретаря. Люду я предупредил. И давай по-быстрому.

Сбросив вызов, я отыскал прореху в сплошной веренице припаркованных машин и еле туда втиснулся, уткнув машину передком в тротуар. Стал озираясь по сторонам, теряясь в догадках: «Что могло случиться за столь короткий промежуток времени? Может, Юрка забыл сообщить нечто важное? И секретное, раз беспокоится, чтобы разговор не прослушали».

На фасаде одного из домов увидел светящийся логотип коммерческого банка с непонятным названием и направился туда. На входе представился охраннику и попросил его пригласить кого-то из службы безопасности, а вскоре уже расположился в кабинете начальника службы охраны. Добродушный розовощекий толстяк, отрекомендовавшись отставным майором МВД, с пониманием подмигнул и удалился в коридор.

Я тут же связался с Рудем и прослушал захватывающую шпионскую историю:

– О прессинге со стороны МВД я тебе рассказывал. Внутренняя безопасность решила собрать на меня пенсионный компромат, но друзья из министерства вовремя предупредили, поэтому я подстраховался. Уже пару дней возле нашего здания дежурят двое моих парней. Отсиживаются неподалеку в неприметной машине и наблюдают, чтобы эти сморчки не учинили провокации. Но все это предыстория. Короче – мои бойцы засекли за тобой хвост, а вот это уже интересненько. Два банабака⁷ на черном «гольф» с областными номерами приехали следом за тобой и остановились как раз возле моих наблюдателей. Сидели в машине и ждали, пока ты выйдешь, а потом увязались следом. Я дал команду проверить их машину, но ничего интересного мне не сообщили. В угоне не значится, а зарегистрирована на дремучего деда из Бородянского района. Даю гарантию, что водитель управляет этим «гольф» по доверенности. Если хочешь, могу распорядиться, чтоб их тормознули. Только нет уверенности, что работают за тобой на одной машине. Возможно, есть дублирующий экипаж. Вот так-то, дружище. А ты говоришь – сам справишься. Так что, тормознуть их?

– Да пусть работают, – ответил, пытаясь быстро соображать. – А вдруг это охрана, приставленная ко мне другом-абхазом? Сам же сказал, что в машине банабаки. А для тебя появился еще один довод не ввязываться в эту историю. Дорабатывай спокойно до пенсии.

– Это не твоя забота, – нервно захихикал Рудь. – Ишь, брат милосердия выискался. Я, может, только в азарт вошел.

– Тогда спасибо и будь осторожен, – сказал и тут же услышал в ответ короткие гудки.

Распрощавшись с банковскими секьюрити, я вышел на крыльцо денежного учреждения. Там сделал вид, будто изучаю курсы обмена валют, а сам незаметно осмотрелся по сторонам. Залепленный комьями грязного снега черный «фольксваген гольф» с номерным знаком серии КХ присоединился к припаркованным машинам возле соседнего дома.

Добравшись до своей машины, я плавно тронул ее с места и на малой скорости проехал мимо наблюдателей. Захотелось рассмотреть их лица, но, поравнявшись с «гольф», понял утопичность затеи. Тонированные стекла были покрыты таким слоем дорожной грязи, что в них нельзя было разглядеть даже собственное отражение.

«Ну что же – жизнь по ходу продолжается», – подумал, криво усмехаясь. При том, что еще свежи воспоминания о летних событиях. Тогда в течение недели меня «водили» по южным областям Украины сразу несколько мобильных групп из разных ведомств. Зато я с лихвой набрался опыта деятельности под неусыпным контролем и присмотром третьих лиц. Только не мешало бы узнать, кто на сей раз и с какой целью организовал мне эскорт. Ну и пора прекращать бравировать и куражиться. На деле напряжение здорово ощущается, а щегольская игривость и наигранная бесшабашность только мешают успокоиться и сосредоточиться. А подумать есть над чем.

Итак, я неожиданно набрел на непростую ситуацию. Вернее, ситуация набрела на меня. В любом случае, остается принимать все, как должное, но, учитывая столь пристальное внимание, лучше отменить дела и пока отсидеться дома. А там все хорошенько распланировать. Повезло еще, что жена в отъезде. Не придется рассказывать ей о встрече с Баграмом, а значит, не будет и лишних расспросов, вздохов и переживаний. Правда, есть и минус – на время отсутствия хозяйки наша собака Клепа тоже покинула свое обжитое место и гостит у моих родите-

⁷ Банабак – жаргонизм, уничижительное: человек с восточной внешностью.

лей. А с ней можно было бы законно прогуляться и понаблюдать, сколько штыков задействовано в слежке. А еще нужно обязательно позвонить Баграту и все ему рассказать. Вдруг он рассмеется и скажет: «Ты действительно настоящий мент. Только не волнуйся – это грузины из посольства присматривают за тобой по моей просьбе».

2 марта (16 часов 10 минут)

Машины оставил возле дома, а сам, не озираясь, поднялся в квартиру. Подумал: «Раз нет собаки, нужен другой повод еще раз выйти из жилья – например, перегнать машину на стоянку. А заодно и понаблюдать».

Но первым делом сменил дресс-код: снял парадно-выходной костюм, надетый по случаю, и облачился в теплые спортивные шаровары и толстовку с капюшоном. Потом, стоя у занавешенного окна спальни, попытался определить, какое место для наблюдения выбрали соглядатаи. Но ничего не заметил, поэтому стал упражняться в тактике наружного наблюдения, предполагая, где бы сам обустроил пункт слежения. Определил три возможные позиции.

А спустя полчаса вышел на улицу и без особых затруднений обнаружил знакомый черный «гольф». Он пристроился позади грузовой фуры, брошенной кем-то на зимовку у заснеженной клумбы соседнего дома.

Вечерние сумерки наступили быстро. Холодный порывистый ветер разогнал свинцовые тучи, а мокрый снег, временами падавший весь день, наконец, прекратился. Я спешно возвращался со стоянки, чтобы не замерзнуть, и терзался сомнениями: с одной стороны, хотелось подойти к загадочному «гольф» и пригласить разведчиков на чай, чтобы тоже зря не мерзли. С другой стороны, если это не слежка, а охрана, то можно было угодить впросак и поставить в неудобное положение дипломатов. Необдуманное комедианство в подобных случаях может только навредить.

Окунувшись в тепло домашнего очага и решив больше не откладывать разговор с Багратом. Воспользовавшись стационарным телефоном, попытался дозвониться на его мобильный номер, но оператор связи сообщил, что абонент находится вне зоны досягаемости. Потом еще несколько раз возобновлял попытки, но все они оказались тщетными.

Остаток вечера просидел перед компьютером. Разбирался с корреспонденцией и текущими делами, но при этом каждые полчаса названивал Кравченко. Безрезультатно.

Тогда на сайте гостиничного комплекса «Киевская Русь» отыскал номера телефонов всех апартаментов и администраторов на этажах. Однако и это не принесло пользы: в номере Баграта к телефону никто не подходил, а дежурная по этажу сообщила, что ключ от его апартаментов у нее и что в течение дня постояльца из Абхазии она не видела. Пришлось отложить разговор с Кравченко до утра.

Какое-то время я валялся на диване перед телевизором, после чего принял душ и около полуночи улегся в постель. Но долго не мог расслабиться, чтобы заснуть из-за вереницы воспоминаний и размышлений о прошедшем дне.

3 марта (6 час. 30 мин.)

Проснулся ни свет, ни заря с тяжелой головой и поминутно ворочался, намереваясь улечься поудобнее. Но сызнова задремать не получилось – что-то внутри подстегивало к действию. Небрежно застелил кровать, привел себя в порядок и поторопился в кухню, потому что без глотка утреннего кофе «бортовой компьютер» отказывался запускаться.

Беспокоить Баграта в такую рань не хотелось. Ведь накануне у него было много дел, из-за чего смог добраться до постели, наверное, далеко за полночь.

Зато самое время убедиться, как прошла ночь у наблюдателей. Вот только за окнами еще не рассвело, а начинавшийся день обещал быть таким же не по-весеннему промозглым. В свете уличных фонарей на подмерзшую землю снова падал тяжелый мокрый снег, а из-под колес проезжающих машин разлеталась по обочинам дороги вязкая жижа.

Чернеющий силуэт спящей фуры и заколоченная будка спившегося сапожника не позволяли мне рассмотреть машину наблюдателей, из-за чего я был вынужден собраться на прогулку. Хотя заодно можно было перегнать машину под дом.

Взбодрился свежесваренным кофе и отправился на стоянку. А по дороге заглянул в «придворный» круглосуточный продуктовый магазинчик, чтобы произвести рекогносцировку.⁸ К счастью, я оказался там не единственным посетителем, из-за чего мои шпионские манипуляции остались незамеченными. Стоя у запотевшего окна возле кассы, делал вид, будто ищу нужный номер в телефоне, а сам пристально всматривался в слабо освещенные окрестности. Быстро убедился, что «гольфа» на месте нет, и предположил: «Либо поменяли позицию, дабы не примелькаться, либо на смену прибыл новый экипаж и обустроился по своему усмотрению».

3 марта (7 часов 45 минут)

Вернулся домой и без промедлений стал названивать Баграту. И снова безрезультатно. Хотя на сей раз абонент был доступен, но упорно не желал отвечать на мобильный вызов или подходить к стационарному телефону. Подобным образом повел себя и дежурный администратор на этаже. Закончив повторять бесполезные попытки в половине девятого, я окончательно определился с решением отправиться в гостиницу. Накатившая волна беспокойства подавала настойчивые сигналы: «Поторапливайся. Не иначе как что-то случилось».

Переодеваясь, планировал дальнейшие действия: «Перед отъездом нужно созвониться с Волощуком и договориться о встрече где-нибудь в центре города. Просто подмывает поскорее поведать полковнику очередную таинственную историю, а заодно и попросить совета. Если Саша сейчас занимается оформлением пенсионных документов, то сможет уделить мне время. Но как быть с «хвостом»? Никак нельзя, чтобы в поле зрения неизвестных разведчиков попал один из руководителей ГУБОП⁹ Украины. Значит, нужно попросить Рудя, чтобы отправил своих бойцов отсечь от меня слежку».

Углубившись в размышления, я вздрогнул от неожиданного звонка. На экране мобильного телефона прочел текст «Жарков Толя» и заметил, как предательски задрожали пальцы. Но все же начал разговор первым:

– Привет, Анатолий Леонидович. Вот если ты сейчас скажешь, что меня разыскивает Александр Вадимович Волощук, то в течение часа на твоём столе будет стоять бутылка отменного коньяка.

– Хотелось бы, но нет, – по-деловому отозвался начальник уголовного розыска. – На этот раз лично я вас разыскиваю. Полчаса назад наша следственно-оперативная группа выехала в гостиницу «Киевская Русь». В одном из номеров обнаружен труп некоего Кравченко Баграта Мерабовича. А только что мне сообщили, что в его мобильнике больше десяти пропущенных вызовов с вашего домашнего телефона. Последний раз вы пытались дозвониться четыре минуты назад.

– Вотта штуккас, – автоматически вырвалась дежурная реплика луцкого убоповца Игоря Жукова, а в памяти всплыли слова Баграта: «Я не вынашиваю намерений самовольно уйти из жизни и со здоровьем у меня все в порядке».

– О чем это вы? – переспросил собеседник и продолжил. – Ну да ладно. Короче, криминала на месте не выявлено, то есть налицо обычная скоропостижная смерть. Дежурная по этажу сообщила, что умерший приехал из Абхазии. У него дочка погибла здесь в Киеве и, наверное, из-за этого не выдержало сердце. Извините, но процедура для вас понятная – придется писать

⁸ Рекогносцировка – разведка для получения сведений о противнике.

⁹ ГУБОП – аббревиатура: главное управление по борьбе с организованной преступностью.

объяснение. Кравченко все-таки иностранец, а дежурный по городу из-за этого мне уже мозги просверлил. Так когда вас ждать?

– Я прямо сейчас выезжаю в гостиницу. С Кравченко мы вместе служили в армии, а вчера встретились впервые за тридцать лет.

– Это я понял. Только, может, сначала ко мне приедете? Группа уже заканчивает осмотр. На месте остается участковый, чтобы...

– К тебе, Толя, потом, – не дал я ему закончить, застегивая на ходу куртку. – Понимаешь, мне надо увидеть Баграта в последний раз, а заодно кое-что проверить. Потом сразу к тебе – обещаю. А ты не в службу, а в дружбу разыщи пока Александра Вадимовича и передай, что нужно срочно увидеться. Пусть тоже подъезжает к тебе в кабинет.

– Я-то постараюсь, – пообещал Жарков и добавил с хитрецей в голосе. – Мне ведь известно, чем закончилась ваша прошлая встреча, которую я сам же и организовал. По гарнизону до сих пор легенды ходят.

– Вот и постарайся...

Глава вторая

Обоюдная престижиджитация¹⁰ (один в поле не воин, хотя...)

*Не високо мудруй, але твердо держись,
А хто правду лама, з тим ти сміло борись.*

¹⁰ Престижиджитация – разновидность иллюзионного жанра, где эффект достигается за счет ловкости рук.

Иван Франко.¹¹

3 марта (8 часов 10 минут)

Мне хватило минуты, чтобы добраться до машины, хотя пробежка оказалась сопряженной с риском. Неровности асфальта скрывались под бугристой ледяной коркой, из-за чего я едва не растянулся прямо посреди двора. Спасибо нашему задумчивому дворнику Даниилу Митрофановичу. Старательный мужичок с отпечатком астенического синдрома на помятом лице таки успел присыпать самые опасные места гремучей смесью из речного песка и каменной соли.

Но трудности передвижения на этом не закончились. Все попытки поскорее выехать со двора оказались тщетными. Со скоростью престарелой черепахи и филигранной точностью я маневрировал между машинами, которые нескончаемой вереницей ползли в обе стороны по переулку. Эта узенькая полоска асфальта уже много лет служит проездом к школе, которую неизвестный советский архитектор умудрился спроектировать в глубине жилого массива без учета подъездных путей. Сегодня многие семьи располагают личным транспортом, поэтому каждое утро в переулке случается транспортный коллапс из-за родителей, взявших за правило подвозить своих чад к началу уроков.

¹¹ Не мудрствуй высоко, но твердо держись, А кто правду ломает – с тем смело борись. Иван Франко (свободный перевод с украинского)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.